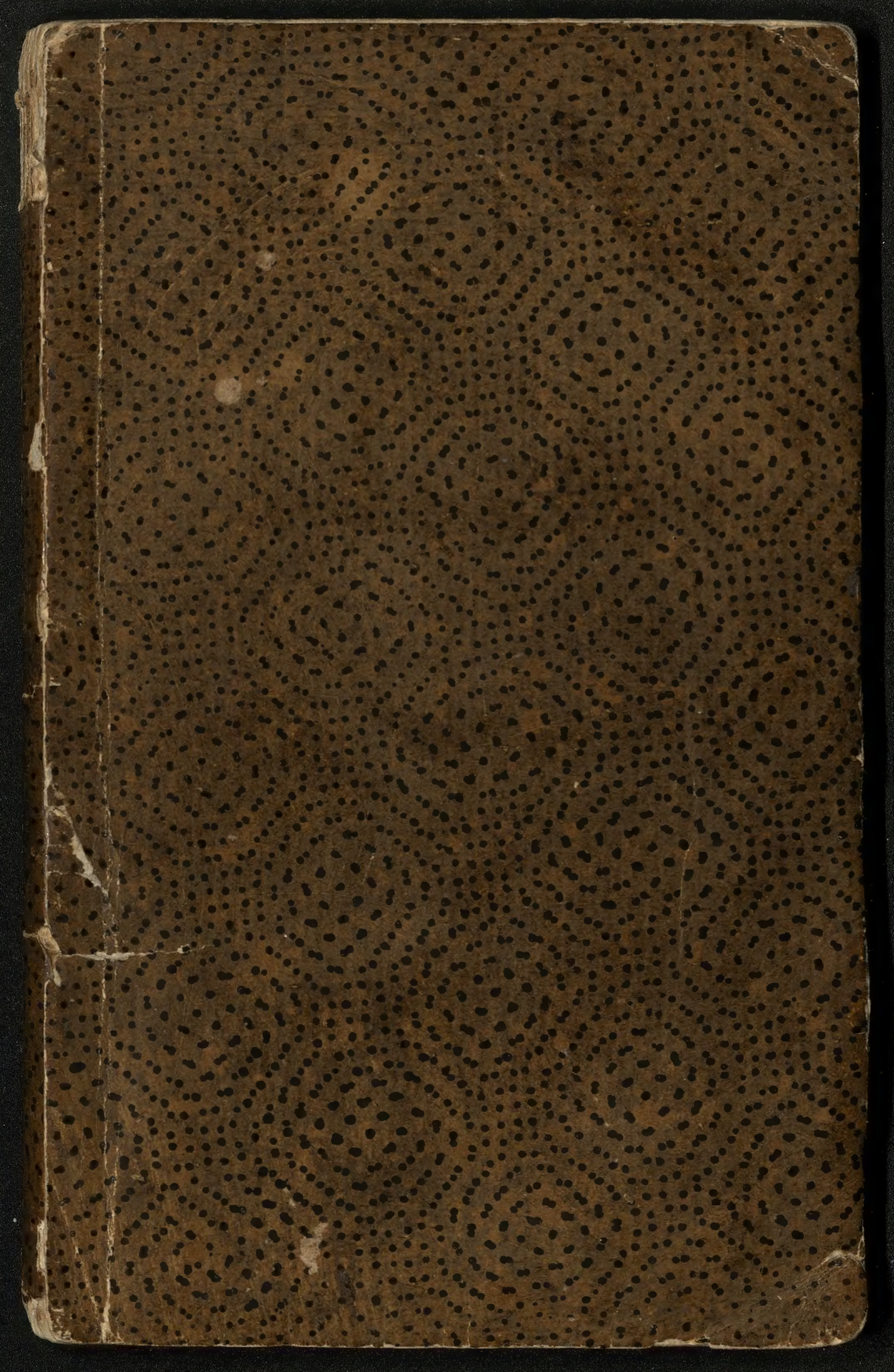
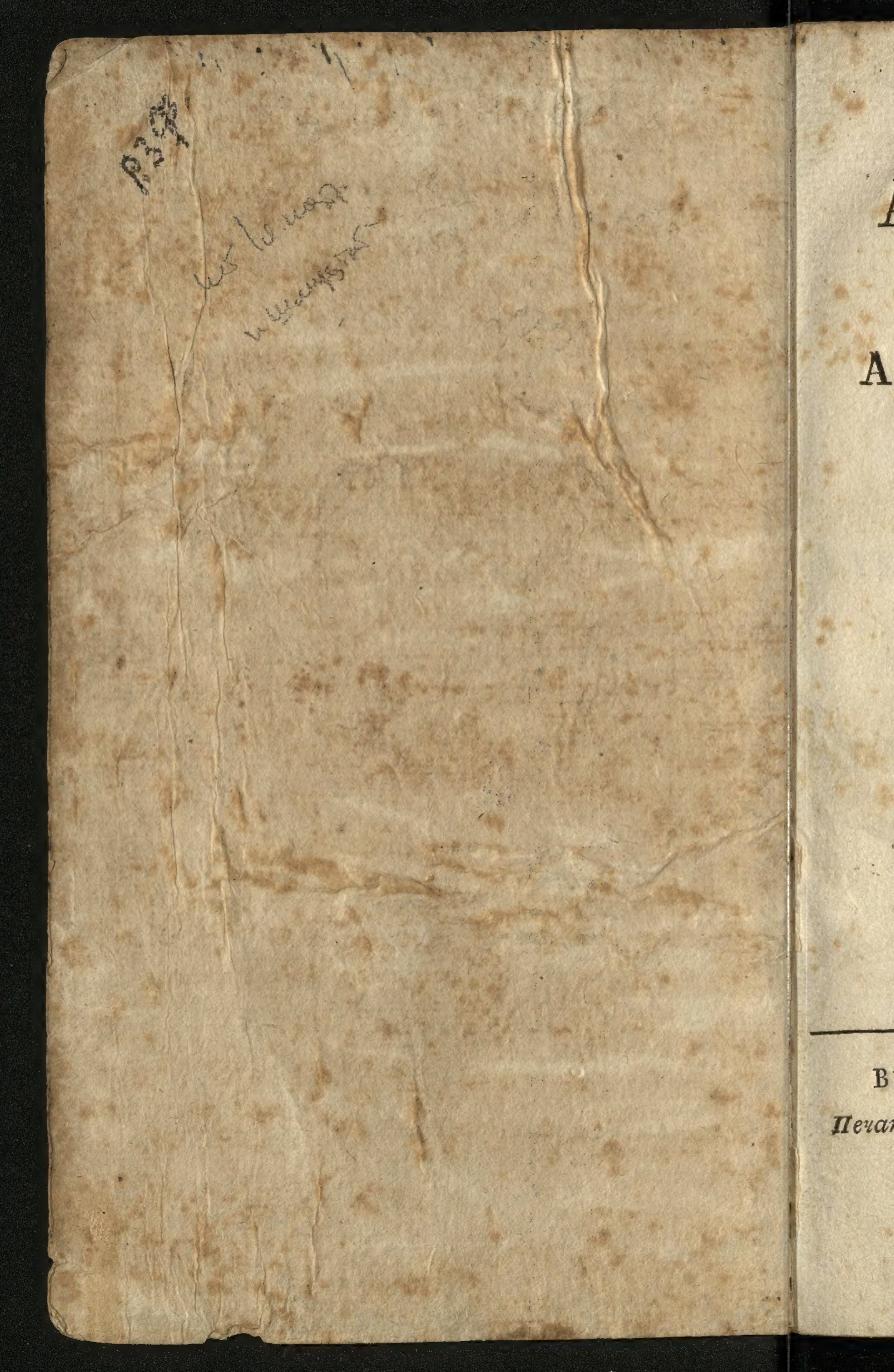

АЛЬЗИРА

ИЛИ

АМЕРИКАНЦЫ

ТРАГЕДІЯ.

сочиненіе Г. Вольтера.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ 1786.

Печатано съ дозволенія Указнаго у Шнора на иждивеніи П. Б.

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

Милостивому Государю

ГРАФУ

АЛЕКСАНДРУ АНДРЕЕВИЧУ

БЕЗБОРОДКѢ,

Тайному Совѣтнику и разныхъ орденовъ

КАВАЛЕРУ.

ми

Пр
Сія
есть
Ваш
буду
буду

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Причина, побудившая меня Вашему Сіятельству посвятить переводъ сей, есть усердіе и почтеніе къ достоинствамъ Вашимъ. Довольно ободренъ и щастливъ буду, когда усердіе и трудъ сей удостоены будутъ благосклоннаго вниманія Вашего.

Милостивый Государь!

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА

Преданнѣйшій слуга
Петръ Карабановъ.

АЛЬЗИРА

или

АМЕРИКАНЦЫ

ТРАГЕДІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦЫ.

ГУСМАНЪ, Правитель Перу.

АЛЬВАРЪ, Отецъ Гусмановъ, прежній правитель.

ЗАМОРЪ, владѣтель Потозской области.

МОНТЕЗЪ, Владѣтель другой области.

АЛЬЗИРА, Дочь Монтезова.

ЭМИРА, ЦЕФАНА. } *наперстницы Альзирины.*

Гишпанскіе Офицеры.

Американцы.

Дѣйствіе въ Лос-Рейѣ, или въ Лимѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альварѣ и Гусманѣ.

Альварѣ.

Мадрита вышній судѣ свершилѣ опредѣленье,
Чтобѣ ты прiялѣ по мнѣ, любезный сынѣ, правленье:
Царю ты моему и Богу покаряй
Полсвѣта новаго преизобильный край;
Давай ты для сего Законы брега сира,
Родяща золото, и беззаконья мiра;
Я отдаю тебѣ всѣ знаки правѣ своихѣ,
Которы старость рветѣ изѣ слабыхѣ рукѣ моихѣ.
Среди Америки свои свершилѣ я годы,
И Мексиканскiе мной вѣ первый разѣ народы
Узрѣли зданiя чудесны ихѣ очамѣ,
Парящи на крилахѣ предѣ ними по водамѣ:
До звѣздѣ медвѣдицы отѣ волнѣ я Магеланскихѣ
Имѣлѣ себѣ вождьми Героевѣ Кастиланскихѣ;

Щастливъ, когдабъ я могъ во мзду заслугъ моихъ
Во кроткихъ Христїянъ привесть Героевъ сихъ!
Но льзя ли удержать къ побѣдамъ ихъ алканье?
Ихъ лютость славы ихъ затьмила все сїянье,
Я долго слезы лилъ, что Богъ великость давъ
Героямъ мрачнымъ симъ, имъ лутчїй не далъ нравъ.
Претекши долгїй вѣкъ, послѣднїя зрю лѣта;
Но съ радостью мои лишатся очи свѣта,
Коль истину узрю съ державою твоей
Въ Потозской области и городѣ Царей.

Гусманъ.

Я овладѣлъ съ тобой сей дикой свѣта частью,
Въ жарахъ сихъ побѣждалъ я подъ отцевой властью;
Правленью отъ тебя мнѣ должно навыкать,
Твой паче брать законъ, чемъ свой преподавать.

Альваръ.

Нѣтъ, нѣтъ, владычеству нельзя быть раздѣленну.
Увядшу мнѣ въ трудахъ, лѣтами отягченну
Наскучила ужъ власть; довольно, коль мой гласъ
Еще въ совѣтѣ есть, и въ дѣйствахъ правитъ васъ.
Повѣрь, что свойство мнѣ людей весьма извѣстно,
Надъ ними быть, мой сынъ, владыкою не лестно.
Препоручу Творцу, забѣту съ давныхъ дней;
Остатки томные я древности моей.
Одну мнѣ милость дай, въ ней будь мой утѣшитель,
Ждетъ оныя твой другъ, и требуетъ родитель.

Мой сынъ, вручи ты мнѣ забытыхъ плѣнныхъ сихъ,
Задержанныхъ тобой днесь во стѣнахъ градскихъ:
Помысли, что сей день быть долженъ днемъ отрады.
Не знаменьемъ суда, но знаменьемъ награды.

Гусманъ.

Коль сына просишъ ты, ему ты повелѣлъ;
Но вникни, Государь, во что ты вдаться смѣлъ.
Въ рождающїйся градъ съ нетвердыми стѣнами
Американцамъ входъ не позволяемъ нами:
Повѣрь, не пустимъ ихъ зракъ гордый свой стремить
Къ желѣзу, коимъ ихъ могли мы укротить:
Не важа нашихъ правъ и возмутиться скоры,
Безъ трепета на насъ да не возводятъ взоры.
Да учатся они предъ нами лишь дрожать,
И въ насъ и месть и власть всечастно обрѣтать.
Американецъ злой какъ звѣрь ожесточенный
Трепеща узы рветъ въ неволѣ заключенный;
Покоренъ подъ жезломъ, отъ кротости надмѣнъ,
И кѣмъ ласкаемъ онъ, мнитъ, имъ тотъ устрашенъ.
Послабой всякая въ упадокъ власть приходитъ,
А строгость завсегда покорство производитъ.
Я знаю: Кастиланъ одна плѣняетъ честь,
Служить безъ ропота, чтобъ тѣмъ себя вознесть;
А тамо цѣлый свѣтъ, рабы одной боязни,
По нуждѣ служатъ всѣ, для нихъ потребны казни.
И боги самые въ странахъ ужасныхъ сихъ
Не емлютъ жертвъ, коль кровь не обагряетъ ихъ.

Альваръ.

Ахъ, сынъ мой! сколь клену сïи тирански дѣйства!
Возможешь ли любить политики злодѣйства?
Ты Христïянинъ самъ, ты править избранъ впредь,
Чтобъ нововѣрнымъ здѣсь дать Бога мира зрѣть.
Иль очи грабежемъ твои ненасыщенны,
Которымъ берега сихъ мѣстъ опустошенны?
И отъ восточныхъ странъ за тѣмъ ли я пришелъ
Во неизвѣстный намъ языческïй предѣлъ,
Чтобъ гнуснымъ зрѣти въ сихъ краяхъ жаровъ безмѣрныхъ
Съ Европы именемъ и имя правовѣрныхъ?
Увы! насъ Богъ послалъ не такъ себя явить;
Но возвѣщать Его и дать Законъ любить:
А мы предѣловъ сихъ рушители нещадны,
Мы къ злату одному и крови только жадны,
Закона бѣглецы, кой надлежало ввесть,
Мы губимъ сей народъ, кой должны приобрѣсть,
Мы льемъ повсюду кровь, все превращаемъ прахомъ,
Подобны небу мы единымъ только страхомъ.
Такъ, съ нашимъ именемъ мы ужасъ къ нимъ несемъ,
Гишпанецъ страшенъ здѣсь; но мерзостенъ онъ всѣмъ:
Мы нова мïра бичь, не правы, щщетны, алчны,
Едины мы хранимъ тирановъ души мрачны:
Сихъ дикïй житель мѣстъ во простотѣ родясь,
Намъ равенъ мужествомъ; щедротой выше насъ.
Ахъ! естьлибъ онъ такой, какъ ты, былъ кроволитель,
Когдабъ онъ не былъ благъ, погибъ бы твой родитель.

Или ты позабылЪ, что ими я спасенЪ?
Или ты позабылЪ, что вЪ близости сихЪ стѣнЪ
Меня стѣснилЪ народЪ свирѣпствомЪ безподобнымЪ,
ЧрезЪ наше варварство содѣлавшійся злобнымЪ?
Строй ратниковЪ моихЪ при мнѣ судьбу скончалЪ,
А я безЪ помощи, одинЪ, лишь смерти ждалЪ:
При имени моемЪ оружья сверглн сами:
ТамЪ юноша представЪ со слезными очами,
И вмѣсто, чтобЪ разить, кЪ моимЪ упалЪ ногамЪ:
„АльварЪ, онЪ рекЪ, АльварЪ! ахЪ! тыль явился намЪ?
„Живи, всегда твоя нужна намЪ добродѣтель,
„Живи, и буди ты нещастнымЪ благодѣтель;
„Да варвары, стремясь намЪ узы налагать,
„По крайней мѣрѣ симЪ научатся прощать.
„Не сомнѣвайся вЪ томЪ, здѣсь жребій быть великимЪ
„Народу бѣдственну, названну ими дикимЪ.
То слыша стонешь ты, я зрю, при вѣсти сей
Противу воли ты смягчаешся своей:
ТакЪ человѣчество гласитЪ тебѣ со мною.
АхЪ! естьли прилѣпленЪ ты кЪ лютости душою,
СЪ какимЪ челомЪ ты днесь осмѣлишься предстать
ПредЪ непорочный видЪ, кой долженЪ ты смягчать,
ПредЪ дочерью Царей страны сея нещастной,
И звѣрству твоему судьбою ставЪ подвластной?
Иль хочешь утвердить свою, мой сынЪ, любовь,
Лія сихЪ сограждан безЪ сожалѣнья кровь?
Иль ожидаешь ты, чтобЪ вопль ея и муки
Обезоружили твои суровы руки?

Гусманъ.

Довольно, ты велишь; ихъ мною плѣнъ прерванъ,
Пусть такъ; но должно имъ взять вѣру Христiянъ;
Законы такъ хотятъ: язычество оставить
Есть право въ сихъ мѣстахъ животъ себѣ доставить:
Склонимъ ихъ сей цѣной въ единовѣрство къ намъ,
Принудимъ разумъ ихъ, и повелимъ сердцамъ?
Необходимости уставъ непобѣдимый
Влечетъ ко олтарямъ и духъ неукротимый.
Хочу, чтобъ бывъ рабы закона моего,
Страшились какъ Царя, такъ Бога одного.

Альваръ.

Внемли, мой сынъ: сего тебѣ желаю болѣ,
Да сядетъ истина на новомъ здѣсь престолѣ!
Да Богъ, Гишпанiя пребудутъ безъ враговъ;
Но льзяль покорства ждать отъ страждущихъ умовъ?
Склонялись мнѣ сердца изъ ихъ одной доброты,
И настоящiй Богъ, мой сынъ, есть Богъ щедроты.

Гусманъ.

Согласенъ, государь, съ желанiемъ твоимъ:
Имѣешь полну власть надъ сыномъ ты своимъ.
Такъ, ты бы овладѣлъ и звѣрскими сердцами;
Ты самой кротости вѣщаеши устами.
И такъ, коль небеса тебѣ хотѣли дать
Сей даръ, сей даръ благiй, что бы на все склонять;

Тобой однимъ могу достигнуть я ко щастью:
Альзира предо мной дерзка моею страстью,
Въ невольнопреданной я щастья не сыщу:
Люблю ее, люблю, и больше чѣмъ хощу:
Но какъ бы ни желалъ любимъ быть страстно ею;
Сей гордой не могу унизиться душею,
И ползая предъ ней рабомъ ея очей,
Льстить гордости ея преданностью моей,
Никакъ я не хочу ей столько быть покоренъ:
Лишь ты, все можешь ты; Монтезъ тебѣ безспоренъ.
Скажи въ послѣднїй разъ Алзирину отцу,
Чтобъ дщери повелѣлъ и влекъ ее къ вѣнцу,
Благоволи . . . но ахъ! стыжусь, что я причина
Сей низости отцу, чтобъ онъ просилъ за сына.

Альваръ.

Все было, я вѣщалъ, мой сынъ, и безъ стыда,
Монтезъ Альзиру зрѣлъ и склонитъ безъ труда,
Священну роду ихъ здѣсь падшу во плѣненье
Творецъ моимъ трудомъ далъ въ бѣдствахъ утѣшенье.
Для Бога истинна Монтезъ боговъ попралъ,
И самъ отъ дочернихъ очей онъ мракъ отгналъ:
Альзира есть примѣръ всей новыя вселенны,
Безвѣстныхъ взоры къ ней народовъ обращенны:
Къ Гишпанцамъ бракъ ея всѣхъ души привлечетъ,
И нашъ воспримѣтъ нравъ покорствуя сей свѣтъ.
Должны пуститься въ немъ глубоко корни вѣры;
Твой бракъ есть узлъ, и двѣ спряжетъ онъ полусферы.

Клянущїй нашЪ законЪ свирѣпый сей народЪ,
ВЪ супругѣ зря твоей владѣтелей ихЪ родЪ,
ВсѣмЪ сердцемЪ полетитЪ, отвергнувЪ духЪ кичливый,
Склонить свое чело вЪ твой сладкїй плѣнЪ, щастливый.
Мнѣ сей толь сладостный вѣнецЪ успѣхомЪ льститЪ,
Что всѣхЪ онЪ вЪ ХристїянЪ сердца преобратитЪ.
Но се МонтезЪ. Мой сынЪ, ты долженЪ удалиться,
Иди во храмЪ, гдѣ онЪ со дщерїю явится.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

АльварЪ, МонтезЪ.

АльварЪ.

То правда ли, что власть и твой благїй совѣтЪ
Твою прекрасну дщерь кЪ согласїю ведетЪ?

МонтезЪ.

ОтецЪ нещастливыхЪ! прости, когда Альзира,
Рукой Гусмана ставЪ безЪ области и сира,
И робости вЪ себѣ еще являя знакЪ,
Трепещущей ногой вступаетЪ сЪ нимЪ во бракЪ.
Сей узлЪ, что сЪединитЪ Европу сЪ сей землею,
Смущаетъ дочь мою, страной взрощенну сею:
Но предразсудки всѣ предЪ гласомЪ мрутЪ твоимЪ,
Твой нравЪ насЪ научилЪ, да твой законЪ мы чтимЪ,

Познанїе небесъ тобой намъ возсїяло,
Нашъ въ просвѣщеньи умъ тобой приялъ начало.
Желѣзомъ Кастиланъ сей новый мїръ учась,
Его смиряетъ власть, а добродѣтель насъ:
И сограждан твоихъ безмѣрно лютость строга
Явилабъ, какъ они, презрительнымъ ихъ Бога.
Ихъ даннымъ лютостью гнушались Богомъ симъ;
Онъ зримъ въ душѣ твоей, въ тебѣ одномъ любимъ.
Вотъ чѣмъ ты можешь мной и дочерью владѣти.
Внявъ добродѣтелямъ твоимъ, твои мы дѣти:
Будь нашимъ областямъ и ей отцемъ теперь.
Даю въ объятїя, даю Гусману дщерь;
Она, Перу, Потозъ рукой его плѣненны:
Иди ко торжеству предъ олтари священны,
Иди, я мню небесъ превѣчный зрѣть народъ
Ко смертнымъ низходящь, оставя горнїй сводъ.
Ручаюсь я за дщерь, ей признанъ будетъ нынѣ
Владыка и супругъ въ твоемъ надмѣнномъ сынѣ.

Альваръ.

Ахъ! естьли отъ моихъ сплетенъ сей узелъ рукъ,
Я щастливъ низхожу во гробъ, любезный другъ.
О ты, открывшїй намъ края сїи пространны!
Содѣлай свѣта днесь предѣлы осїянны,
О Боже Христїянъ! присутствуй въ клятвахъ сихъ,
Здѣсь данныхъ въ первый разъ при олтаряхъ святыхъ!
Сойди, влеки къ себѣ Америку смущенну!
Прости, спѣшу теперь ко браку вожделѣнну,
Прости, я помню то: мой щастливъ сынъ тобой.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Монтезъ *одинъ.*

Разитель Богъ боговъ, которыхъ чтилъ душой!
Воззри на горестну, воззри мою кончину,
Всего былъ я лишенъ, имѣю дщерь едину:
Рачи о ней, наставь ее на правый путь.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Монтезъ, Альзира.

Монтезъ.

О дщерь! се часъ насталъ, согласна къ щастью будь:
Коль сердцемъ, словомъ мнѣ поборствуешь, Альзира,
Ты щастіемъ своимъ содѣлай щастье міра;
Будь плѣнникамъ покровъ, врагамъ повелѣвай,
И вредну молнію въ рукахъ ихъ угашай:
Изъ нѣдра бѣдности всходи ко царску трону,
И покаряй свой нравъ судьбы твоей закону.
Прими ты новый духъ, рѣшись, меня любя,
Гишпанкой возродись, отрекшися себя,
Не лей досаднаго отцу потока слезна.

Альзира.

Я вся твоя; но ахъ! коль я тебѣ любезна,
Зри сердце ты мое, зри мой смятенный духъ.

Монтезъ.

Нѣтъ, твой постыдный стонъ мой отвращаетъ слухъ;
Ты слово мнѣ дала, потребно исполненье.

Альзира.

Ты изъ меня исторгъ толь страшно приношенье;
Но льзяль мнѣ клятву дать, сего о Боже! дня?
Се страшный день, въ немъ все погибло для меня,
Въ немъ гордаго для насъ Гусмана мечь нещастный
Дерзнулъ чадъ солнцевыхъ низвергнуть тронъ ужасный.
Коль страшныя бѣды день предвѣщаетъ сей!

Монтезъ.

Виной щастливыхъ мы и злополучныхъ дней.
Кинь суевѣрія введенныя жрецами,
Для черни преданны здѣсь нашими отцами.

Альзира.

И въ сей же день, увы! отмститель сей страны
Заморъ, надежда мнѣ, погибъ среди войны,
Заморъ, любовникъ мой, тобой избранный въ затя.

Монтезъ.

Стоналъ надъ нимъ, какъ ты, я горьки слезы тратя.
Не ищутъ клятвъ твоихъ низшедши ко гробамъ:
Неси, неси съ собой духъ вольный къ олтарямъ;
Дай добродѣтели ко праху охладѣлу
Безумныя любви извлечь изъ сердца стрѣлу.

Ты вся принадлежишь закону Хрїстїянъ,
Мной Богъ тебѣ велитъ, чтобъ сей союзъ былъ данъ,
Онъ въ храмъ тебя зоветъ, онъ дѣлъ твоихъ прави-
тель,
Внемли ему.

Альзира.

Къ чему привелъ меня родитель?
Я знаю, что отецъ, что власть отцева есть:
Коль рекъ, мой первый долгъ себя на жертву несть.
И послушанїя я больше оказала,
Чемъ сей священный долгъ природа предписала.
Все зрѣла такъ, твоимъ какъ зрѣлося очамъ.
Тобой преобразясь не вѣрую богамъ,
Я не жалѣю ихъ величества сраженна,
Предъ новымъ Богомъ симъ, какъ мы, уничиженна.
Но ты мнѣ самъ внушалъ въ стенанїи моемъ,
Что предъ его живетъ спокойство олтаремъ,
Что правъ его законъ, и благъ, и безъ обману,
Что онъ смущенныхъ чувствъ моихъ излѣчитъ рану.
Ты слабость обольщалъ! Сражающа стрѣла
И въ самомъ Богѣ семъ всегда мнѣ грудь рвала.
Она несетъ въ нее всегда зракъ обновленной,
Заморъ еще живетъ въ душѣ имъ зараженной.
Ты правость чувствїй сихъ, коль должно, обвиняй,
Сей огнь, кой времени и смерти есть сильняй,
Сїю безсмертну страсть, позволенну тобою;
Спрягай ты дщерь свою съ тираномъ плѣннымъ мною

Народна польза въ томъ, покорна, должно такъ;
Но трепещи, творя несходственный сей бракъ,
Ты, ты, который месть отъ Бога мнѣ вѣщаешь,
И днесь меня въ его присутствѣ осуждаешь
Супругу обѣщать мнѣ данному любовь,
Когда еще во мнѣ другимъ пылаетъ кровь.

Монтезъ.

Ахъ, что рекла ты, дщерь! щади мои ты годы
Для имени любви, для имени природы,
Для страшныхъ бѣдъ, тебѣ возможныхъ отвратить,
И для отца, кого могла ты оскорбить;
Не дай при смерти мнѣ вкусити горесть люту.
Я къ щастью твоему терялъ ли хоть минуту?
Симъ насладись трудомъ; но бойся отравлять
То благо трудное, которо могъ я дать.
Теченье новое начатое тобою
Своею начерталъ навѣки долгъ рукою.
Къ сему тебя влечетъ стенящая страна;
Измѣнишь ли ты ей? надежда ты одна,
Учись себя смирять.

Альзира.

Мнѣ должно притворяться?
Искуство пагубно!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ГусманЪ, Альзира.

ГусманЪ.

Я долженЪ огорчаться,
Что мнѣ даютЪ еще вЪ исканіяхЪ моихЪ
Досадну медлѣность косненїй таковыхЪ.
Желала ты, чтобЪ я врагамЪ явилЪ прощенье;
Я казнь остановилЪ, простилЪ за дерзновенье,
Дана свобода имЪ; но мнѣ то будетЪ стыдЪ,
Коль малость сихЪ услугЪ Альзиру умягчитЪ.
Сего не отЪ моей я ждалЪ верьховной власти,
СимЪ долженЪ быть хотѣлЪ тебѣ, и нѣжной страсти.
ВЪ желанныхЪ радостяхЪ ни мало я не мнилЪ,
ЧтобЪ щастіемЪ моимЪ тебя я огорчилЪ.

Альзира.

Да строги небеса своимЪ ударомЪ гнѣвнымЪ
ОбѣимЪ намЪ сей день не учинятЪ плачевнымЪ!
Ты зришь, какой меня теперь обЪемлетЪ страхЪ,
НачертанЪ онЪ вЪ лицѣ, вѣщаетЪ онЪ вЪ очахЪ.
ТаковЪ Альзиры нравЪ, что сердце ощущаетЪ,
То мой являетЪ взорЪ, языкЪ мой то вѣщаетЪ.
ТамЪ, гдѣ притворствуютЪ, тамЪ клятва не вѣрна,
Европы хитрость то; не для меня она.

Гусманъ.

Зрю искренность твою: Заморъ, я въ томъ извѣстенъ,
Живъ въ памяти твоей, тебѣ еще прелестенъ.
Упорный сей Касикъ, который мной попранъ,
Еще противъ меня идетъ изъ адскихъ странъ.
Въ живыхъ его смирилъ, и мертва мнѣ бояться?
Престань мнѣ досаждать, престань о немъ терзаться;
Супруги долгъ, мой санъ и сердце то язвитъ,
А сердце ревностью къ слезамъ твоимъ горитъ.

Альзира.

Не буди такъ ревнивъ, не будь въ толикой злобѣ;
Не много зависти даетъ соперникъ въ гробѣ.
Любила, признаюсь, и долгъ мой былъ таковъ,
Заморъ надеждой былъ тѣснимыхъ сихъ бреговъ;
Онъ былъ мнѣ обрученъ и для меня любезенъ,
Любилъ меня: по немъ еще лїю токъ слезенъ.
А ты не только грусть мою не осуждай;
Суди о твердости, и сердце распознай,
И поступать со мной преставъ высокомѣрно,
Коль можешь, заслужи толико сердце вѣрно.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Гусманъ *одинъ*.

Высокомѣрїе и искренность ея
Дивятъ мой твердый духъ и нравны для меня:

Но не стерплю того: иль мысль ея надмѣнну
Трудняе укротить, чемЪ укротить вселенну?
Природа грубая ей прелести подавЪ,
По свойству сей страны дала ей дикїй нравЪ.
Смирится должностью душа вЪ ней непокорна,
Мнѣ всїо подвластно здѣсь; она одна упорна.
Да торжествуетЪ бракЪ: и предваримЪ тотЪ гласЪ,
ЧтобЪ побѣдитель могЪ внимать себѣ отказЪ.

Конецъ перваго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Заморъ, Американцы.

Заморъ.

Вы, въ коихъ рѣдкая отважность обитаетъ,
Тверда въ опасностяхъ, въ нещастьи возрастаетъ,
Друзья и спутники въ нещастіи моемъ,
Отмстимъ ли мы, или безъ мести мы умремъ?
Отечества ли мы, Альзирыль не избавимъ,
Гусманаль мерзку жизнь окончить не заставимъ,
Не найдемъ, не казнимъ губителя сего,
И не отмстимъ за тронъ, погибшій отъ него?
О Боги слабые обширной свѣта части!
Вы предали ее боговъ враждебныхъ власти.
Шесть сотъ Гишпанцевъ здѣсь оружьемъ рукъ своихъ
Низвергли край мой, тронъ, вашъ храмъ, и васъ самихъ:
Безъ области Заморъ, безъ жертвъ и вы, Кумиры,
Всего лишились мы, лишился я Альзиры.
Я несъ мой гнѣвъ, мой стыдъ, терзаніе тоски
Въ дремучіе лѣса, въ крутящися пески;
Отъ знойна пояса, и изъ среды вселенной
Свѣтило дневное мой зрѣло путь смятенной
До мѣстъ, гдѣ симъ преставъ блистать оно странамъ,
Выводитъ годъ, и въ слѣдъ идетъ своимъ стопамъ.

Но ваше дружество, и храбрость, и старанье
Къ обширнымъ опдали мнѣ мыслямъ упованье;
Въ жилищѣ страшномъ семъ я мнилъ къ концу привесть
Двѣ добродѣтели мои, любовь и месть.
Мы смертныхъ собрали сердецъ неустрашимыхъ,
Владыкамъ алчущимъ враговъ неукротимыхъ.
Они во мрачныхъ сихъ дубровахъ залегли,
Чтобъ стѣны разсмотрѣть тиранскія могли.
Пришелъ я; насъ толпа свирѣпая схватила,
Повергла въ пропасти и въ узы заключила.
Изъ адской бездны сей свободу дали намъ,
Презрѣвъ сказать, какимъ мы преданы судьбамъ.
Друзья! гдѣ мы? и кто сего владѣтель міра?
Скажите мнѣ, въ какой судьбѣ живетъ Альзира?
Невольникъ ли Монтезъ, еще ли онъ въ живыхъ?
Иль бѣдну жизнь влачитъ въ мѣстахъ ужасныхъ сихъ
Печальные друзья въ Заморовой напасти!
Не можетель открыть невѣдомой мнѣ части?

Американецъ.

Въ различныхъ, какъ и ты, мѣстахъ несли мы плѣнъ
Путями разными до сихъ беденны стѣнъ,
Безвѣстны, чужды бывъ народу толь жестоку,
Не знали, коему ты былъ подверженъ року.
Нещастливый Касикъ, сихъ недостойный бѣдъ,
Когда уже тиранъ на смерть тебя влечетъ;
Твои друзья падутъ подъ тою же косою,
И изъ любви къ тебѣ на всё пойдутъ съ тобою.

Заморъ.

По славѣ побѣдить подъ небомъ перва честь
Дѣйствительно есть та, чтобъ хвальну смерть понесть;
Но умереть въ стыдѣ, умреть въ позорной долѣ,
И умирая зрѣть отечество въ неволѣ,
Погибнуть не отмстя, своихъ лишиться дней
Отъ рукъ убійцевъ сихъ, Европы отъ татей,
Отъ рукъ сихъ кровопійцъ, корыстолюбцевъ жадныхъ,
Опустошителей вселенной сей нещадныхъ,
Дерзнувшихъ муки мнѣ поносны налагать,
Чтобъ злато, ихъ самихъ гнуснѣйшее стяжать,
Вовлечь во гробъ гражданъ любезнѣйшихъ съ собою,
Предать имъ, что моей владѣетъ всей душою,
Предать Альзиру мнѣ неистовству ихъ рукъ,
Ужасно такъ умреть, и всѣхъ жесточе мукъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Альваръ, Заморъ, Американцы.

Альваръ.

Свободны будьте вы: живите.

Заморъ.

Что внимаю!
Я добродѣтели такой не понимаю!

Мнѣ смертнымъ ли тебя, иль богомъ почитать?
Гишпанца зрю въ тебѣ, и можешь ты прощать!
Или ты Царь? или во градѣ семъ Властитель?

Альваръ.

Не царь; невинныхъ я и бѣдныхъ покровитель.

Заморъ.

Какая же твоя судьба, хочу я знать,
Великодушный мужъ?

Альваръ.

Нещастнымъ помогать.

Заморъ.

Ахъ! кто въ тебѣ Творецъ сей милости священной?

Альваръ.

Богъ, вѣра и души признанье одолженной.

Заморъ.

Твой Богъ и вѣра! какъ! страны тираны сей,
Чудовищи, въ крови упитанны людей,
Грабители земли, и коихъ люта сила
Отечество мое въ пустыню претворила,
Которыхъ весь законъ къ сребру пылать алчбой,
Ужели Бога чтутъ не одного съ тобой?

АльварЪ.

БогЪ тотЪ же; но они ихЪ Бога раздражаютЪ,
ВЪ законѣ бывЪ святыхЪ, вЪ порокахЪ утопаютЪ.
Они простерли кЪ злу власть новую свою:
Преступки знаешь ихЪ; но должность знай мою.
Два раза солнце ужЪ отЪ тропика кЪ другому
Прошло сей мірЪ и нашЪ, свѣтя лицу земному,
СЪ тѣхЪ порЪ, какЪ нѣкто здѣсь поданьемЪ щедрыхЪ силЪ,
Владыка дней моихЪ, ихЪ спасть благоволилЪ;
СЪ тѣхЪ порЪ о щастіи я вашемЪ помышляю,
И вашихЪ сограждан я братьями считаю:
СчастливЪ бы умерЪ я, когдабЪ нашелся мной
Мнѣ сохранившій жизнь невѣдомый герой!

ЗаморЪ.

Его черты, лѣта, высока добродѣтель,
ТакЪ, онЪ, се самЪ АльварЪ, нашЪ кроткій благодѣтель!
Ты можешь ли теперь познать того изЪ насЪ,
Кто волею судьбы тебя отЪ смерти спасЪ?

АльварЪ.

Что рекЪ онЪ? Подойди. О щедро провидѣнье!
Се тотЪ герой, кЪ нему пролью благодаренье!
Ослабшій лѣтами мой взорЪ, печальный взорЪ,
Увы! какЪ не нашелЪ его до сихЪ ты порЪ?

Мой сынЪ! избавитель! (*обнимая его*) вѣщай, что дѣлать должно?

Живи, здѣсь буду я отцемЪ тебѣ неложно.
Тобой спасенны дни хотѣла смерть почтить,
ЧтобЪ время я имѣлЪ тебѣ вознаградить.

ЗаморЪ.

АхЪ! естьлибЪ твой народЪ отЪ злобы удалился,
И благостей твоихЪ хоть искрой озарился;
Повѣрь, что нынѣ имЪ попранный сей предѣлЪ
ПодЪ иго бы его сЪ охотою летѣлЪ:
Но сколько духЪ твой щедрЪ, и сколько честность знаетЪ,
ТакЪ варварство его природу ужасаетЪ;
Мнѣ легче умереть, чѣмЪ вмѣстѣ жити сЪ нимЪ;
Тово я только жду, тѣмЪ мучуся однимЪ,
ЧтобЪ могЪ хоть то узнать, ужель кровавы руки
Монтеза бѣднаго скончали горьки муки,
Отца Альзирина.... Увы! ты зришь мой стонЪ.
СЪ любезнымЪ именемЪ летитЪ изЪ сердца онЪ.

АльварЪ.

Не тщись сокрыти слезЪ, крѣпиться ты престани:
Ты человѣчеству тѣмЪ платишь нѣжны дани.
АхЪ, горе варварскимЪ и хладнымЪ тѣмЪ сердцамЪ,
Которыя кЪ чужимЪ не жалостны бѣдамЪ!....
МонтезЪ, твой нѣжный другЪ во славѣ здѣсь сїяетЪ,
И лѣты древнїя щастливо провождаетЪ.

Заморъ.

Узрю ль его?

Альваръ.

Узришь: да онъ возможетъ днесь
Склонить тебя такъ жить, какъ мнитъ, живя онъ здѣсь!

Заморъ.

Какъ! чтобъ Монтезъ . . . .

Альваръ.

Хочу, чтобъ онъ повѣдалъ нынѣ
Тебѣ изустно самъ о всей его судьбинѣ,
Рокъ насъ связующїй и узлъ щастливый тотъ,
Что соградданъ твоихъ и нашъ спряжетъ народъ.
Я сыну возвѣщу въ весельи несказанномъ
О чудномъ щастьи семъ, отъ неба намъ посланномъ.
А чтобъ тебѣ я могъ усердїе явить,
Иду связующи насъ узы укрѣпить.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Заморъ, Американцы.

Заморъ.

Явилась наконецъ мнѣ благодать небесна:
Въ жилищѣ варваровъ нашелъ я мужа честна.

Альваръ, Альваръ есть богъ, между развратныхъ сихъ
Снизходитъ укротить во свѣтѣ нравы злыхъ.
Имѣетъ сына онъ: я въ немъ увижу брата;
Ахъ, естьлибъ стоилъ онъ отца толико свята!
О день! коль сладкою ты мнѣ надеждой льстишь!
Ты мнѣ по трехъ годахъ Монтеза возвратишь!
А ты, которой я плѣненъ дражайшимъ взоромъ,
Ты, для которой всїо совершено Заморомъ,
Жизнь жизни моея! Во сей ли ты странѣ?
Хранишь ли перву честь ты сердца вѣрность мнѣ?
Хранишь ли мнѣ ее? — Сомнѣнье бѣднымъ сродно....
Какому старцу здѣсь еще предстать угодно?

ЯВЛЕНIЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Монтезъ, Заморъ, Американцы.

Заморъ.

Тебяль объемлю я, тебяль, Монтезъ драгой?
Се смерти избѣжалъ Заморъ любезный твой,
Онъ ожилъ защищать тебя, бывъ смерти узникъ;
Се твой нѣжнѣйшїй другъ, твой зять и твой союзникъ!
Гдѣ дщерь твоя? скажи, въ какой судьбѣ она?
Свершай: въ отвѣтѣ мнѣ иль жизнь, иль смерть дана?

Монтезъ.

Касикъ нещастливый! въ твоей увѣрясь смерти,
До нынѣ не могли мы горькихъ слезъ отерти.

Вкругъ гроба, кой тебѣ былъ нами сооруженъ,
Просили мы судьбу, чтобъ ты былъ возвращенъ.
Ты живъ: да небо дастъ тебѣ вѣкъ лутчей части!
Да кончатся твои въ жилищѣ семъ напасти!
Заморъ! ахъ, что вело тебя до сихъ бреговъ?

Заморъ.

Месть за себя, тебя, Альзиру и боговъ,

Монтезъ.

Что рекъ?

Заморъ.

Воспомяни ты день тотъ нестерпимый,
Когда Гишпанецъ злой, надмѣнный, невредимый
Разсыпалъ, разорилъ до основанья градъ,
Который сотворенъ отъ солнцевыхъ былъ чадъ.
Онъ именемъ Гусманъ. Тѣсняща рока дѣйство
Мнѣ дало знать его лишь имя и злодѣйство.
Сїе то имя мнѣ Монтезъ, несносно такъ
Убїйства, грабежа ужасный было знакъ.
Симъ именемъ отнявъ изъ рукъ моихъ любезну,
Безъ жалости влекли твой родъ въ неволю слезну,
Повергли олтари со храмомъ тѣмъ святымъ,
Гдѣ сыномъ отъ Боговъ нарекся бы твоимъ:
Меня къ нему влекли: какїя казни, муки
Взложили на меня его злоалчны руки,
Чтобъ злато я открылъ боготворимо имъ,
Гишпанцевъ Идола, мы кое прахомъ чтимъ!

Я брошенъ былъ полмертвъ, неся терзанїй бремя:
Не можетъ никогда обидъ ослабить время.
И я по трехъ годахъ собралъ моихъ друзей,
Взаимно дышущихъ, какъ мы враждой своей.
Геройска ихъ толпа, сокрытая лѣсами,
Отмститъ, или падетъ подъ здѣшними стѣнами.

Монтезъ.

Ты жалокъ мнѣ: но что ты хочешь предпрїять?
Нейди на смерть, тебя хотѣвшую бѣжать.
Что могутъ и друзья, и ихъ доспѣхи бренны,
И водныхъ жителей сїи остатки тлѣнны,
И слабы марморы, подобїя мечей,
И наго воинство въ нестройности своей
Противъ тирановъ сихъ, гигантовъ сихъ надмѣнныхъ,
Желѣзомъ блещущихъ, и громомъ воруженныхъ,
На бранныхъ яко вѣтръ летящихъ противъ насъ
Чудовищахъ своихъ, внимающихъ ихъ гласъ?
Коль свѣтъ имъ уступилъ, намъ должно покориться.

Заморъ.

Мнѣ здаться, коль я живъ? мнѣ къ рабству преклониться?
Монтезъ, повѣрь, что ихъ и молнїи, и громъ,
Желѣзо сихъ враговъ, и латы, и шеломъ,
Подъ ними быстрый звѣрь, творящїй брань разженну,
При шествїи своемъ могли страшить вселенну.
Зрю твердымъ окомъ ихъ, ругаться смѣю имъ:
Для побѣжденья ихъ лишь будь неустрашимъ.

Едина новость ихъ сей свѣтъ порабощаетъ,
Владѣетъ робкими, а смѣлымъ уступаетъ.
Блестящїй злата ядъ, врученный симъ странамъ,
Не защищая насъ, влечетъ Европу къ намъ.
Нещедро небо къ намъ желѣза насъ лишило,
И онымъ варваровъ свирѣпѣйшихъ снабдило:
Но небо наконецъ за нашъ отмщая свѣтъ,
Намъ добродѣтели за ихъ желѣзо шлетъ.
Сражусь за дщерь твою; и побѣжду свободно.

Монтезъ.

Противенъ рокъ тебѣ, старанїе безплодно;
Премѣнны дни.

Заморъ.

Увы! какой даешь отвѣтъ!
Премѣнныль дни, когда въ тебѣ премѣны нѣтъ,
Коль славу и обѣтъ Альзира чтитъ душею,
И коль Заморъ еще воспоминаемъ ею?
Ты отвращаешь взоръ, зрю плачь и стонъ единъ?

Монтезъ.

Заморъ нещастливый!

Заморъ.

Ужель не твой я сынъ?
Великїй духъ въ тебѣ затмя тиранска злоба,
Дала пороки знать тебѣ при краѣ гроба.

МонтезЪ.

Не виненЪ я: и ты побѣдоносцевЪ сихЪ
Тиранами не чти, какЪ ты считаешь ихЪ.
Судьбина привела иныхЪ вЪ сїе владѣнье
Не столь кЪ плѣненью насЪ, сколь намЪ во наставленье,
ПринесшихЪ новыя достоинства вЪ нашЪ кругЪ,
Безсмертны таинства, и новость ихЪ наукЪ,
Науку знать себя, примѣрЪ имЪ подражати,
Быть вЪ щастьи наконецЪ, и жить и разсуждати.

ЗаморЪ.

Что рекЪ? Какой ты ядЪ дерзнулЪ изЪ устЪ излить?
Альзира плѣнница; а можешь ихЪ хвалить!

МонтезЪ.

Не плѣнница.

ЗаморЪ.

МонтезЪ, прости душѣ ты гнѣвной,
Прости ты, отче мой, судьбѣ моей плачевной.
Представь, что вѣчный узлЪ со мной ее сопрягЪ;
ТакЪ, вЪ томЪ обѣтЪ ты далЪ при божьихЪ олтаряхЪ:
Она не изЪявитЪ богамЪ клятворушенїй.

МонтезЪ.

Не призывай боговЪ, лжесвятства порожденїй,
Мечтанїй гнусныхЪ сихЪ, я оныхЪ пренебрегЪ;
ПредЪ сущимЪ БогомЪ мы низвергли ихЪ на вѣкЪ.

Заморъ.

Что рекъ? какъ! твой законъ? отцевъ преданье вѣры?

Монтезъ.

Позналъ ея тщету, отвергъ ея химеры.
Да Богъ боговъ, еще невѣдомъ симъ странамъ,
Явитъ себя твоимъ прїявшимъ свѣтъ очамъ;
Да лучше ты поймешь, нещастливый владѣтель,
Съ Европы божествомъ Европы добродѣтель!

Заморъ.

Въ чемъ добродѣтель ихъ? врагами сихъ бреговъ
Во всемъ ты сталъ рабомъ, отринутъ отъ боговъ.
Такъ имъ ты измѣнилъ, чтобъ мнѣ явить измѣну?
Ужель въ Альзирѣ я найду сїю премѣну?
Брегись....

Монтезъ.

Нѣтъ; я себя не укорю ничѣмъ:
Мой вѣкъ благословенъ; я плачу о твоемъ.

Заморъ.

Когда ты измѣнилъ, такъ плачь, ты плакать долженъ.
Зри сколько я твоимъ преступкомъ встревоженъ,
Жалѣй меня ты, зря, какъ всю волнуютъ кровь
То ревность ко богамъ, то мщенье, то любовь.

Гдѣ, гдѣ Гусманъ? лечу туда Альзирѣ въ жертву,
Пойдемъ, дай зрѣть ее, дай пасть предъ ней мнѣ мертву:
Блаженства зрѣть ее меня ты не лиши;
Страшись отчаянной Заморовой души,
Будь паки человѣкъ; да честь въ тебѣ забвенну....

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Монтезъ, Заморъ, Воины.

Воинъ *къ Монтезу.*

Иди, о Государь! ко торжеству священну.

Монтезъ.

Иду.

Заморъ.

Жестокій! я иду тебѣ во слѣдъ.
Какое торжество! Куда Монтезъ идетъ?
Монтезъ!....

Монтезъ.

Прости. Оставь плачевные чертоги.

Заморъ.

Пусть всѣ меня разятъ разгнѣванные боги;
Иду съ тобой.

Монтезъ.

Прости отеческимъ трудамъ.

къ Воинамъ.

Не дайте, стражи, имъ итти за мной во храмъ.
Язычниками здѣсь закона чужестранна
Святыня Христіянъ возможетъ быть попранна.
Исполните: не я повелѣваю вамъ;
Гусманъ изъ устъ моихъ повелѣваетъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Заморъ, Американцы.

Заморъ.

Что слышалъ я? Гусманъ! о коль измѣна злостна!
О подлость! верьхъ безстудствъ! обида смертоносна!
Гусману служитъ онъ! Сіе ли слышалъ я?
Иль добродѣтелей лишилась вся земля?
Ужель Альзира такъ, Альзира такъ неправа?
Уже ли и ее коснулась та отрава,
Котору хищники странѣ излили сей,
Развратники сердецъ, злодѣи нашихъ дней?
Такъ здѣсь Гусманъ? что мы начнемъ, друзья любезны!

Американецъ.

Осмѣлюсь я тебѣ подать совѣтъ полезный.
Почтенный старецъ сей, тебя который спасъ,
Явится предъ тобой и съ сыномъ въ оный часъ.

Изпрашиваютъ намъ они свободу явну:
Ахъ! выйдемъ мы, пойдемъ къ намѣренїю славну,
Пойдемъ, и на враговъ мы всїо распорядимъ;
А токмо съ сыномъ лишь Альвара пощадимъ.!
Я видѣлъ ихъ валы строенье пречудесно,
То сверьхъ естественно искуство, намъ безвѣстно,
Ихъ рвы, бойницы ихъ, и пышность ихъ оградъ,
Ихъ громы мѣдяны, ревущїе съ раскатъ,
Ихъ сѣти бранныя, и въ нихъ присутство смерти;
Но смѣлости во мнѣ сей страхъ не можетъ стерти.
Увы! въ цепяхъ стенящь народъ нашъ въ сихъ мѣстахъ
Крѣпитъ убѣжище въ противныхъ намъ стѣнахъ:
Униженной отъ узъ рукой возносятъ нынѣ
Столицу, обитатъ тиранству и гордынѣ.
Но вѣрь, что какъ узрятъ отмстителей своихъ;
То на гонителей вознимутъ руки ихъ,
И сами истребятъ сїи ужасны зданья,
Орудья рабства ихъ, и купно поруганья.
Друзья отверзутъ путь тебѣ къ кровавымъ рвамъ
По издыхающимъ уже своимъ тѣламъ.
Пойдемъ, и обратимъ на ихъ главы поносны,
Желѣзо, бури ихъ и стрѣлы огненосны,
Горящїй огнь селитръ, что прежде у враговъ
Мы чли за огнь святый, летящь изъ рухъ боговъ.
Низложимъ, истребимъ владычество ужасно,
Гдѣ имъ подножїе невѣжество нещастно.

Заморъ.

Друзья! сколь мило въ васъ поборниковъ мнѣ зрѣть,
Возмогшихъ бѣшенствомъ мнѣ равнымъ воскипѣть!
Да излїемъ мы казнь на варвара Гусмана!
За кровь отечества пусть льется кровь тирана!
О мрачно божество! внемли мой гнѣвный стонъ,
Месть! ополчи нашъ духъ, чтобъ умеръ только онъ,
Чтобъ умеръ онъ.... Но ахъ! мы храбры; бѣдны болѣ:
Стремимся наказать; а сами мы въ неволѣ.
Жестока намъ судьба сугубитъ токи слезъ,
Альваръ исчезъ отсель, и измѣнилъ Монтезъ,
И можетъ то врагу, что я люблю, досталось.....
Одно сомнѣнїе въ отраду мнѣ осталось.
Но что за вопль, друзья, въжилищѣ слышу семъ?
Свѣтъ дневный множится возженныхъ свѣчь огнемъ:
Народа варварска внимаю мѣдь гремящу;
Какое торжество, какое зло гласящу?
Узримъ: отверзтъ ли путь за градъ со мною вамъ,
Могу ли васъ спасти; или погибнуть намъ.

Конецъ втораго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альзира *одна*.

Драгова тѣнь! такъ я не вѣрна предъ тобою!
Свершилось; и Гусманъ владѣетъ вѣчно мною!
Межъ нашихъ гемисферъ и океанъ взнесясь,
Преграды слабыя поставилъ между насъ:
Гусману я жена: мы клятвой обязались,
И клятвы оныя на небеси вписались.
О ты любезна тѣнь, мятущая мой умъ,
Окровавленна тѣнь, зракъ вѣчный горькихъ думъ,
Драгой! коль плачь, и стонъ, и совѣсти терзанье
Во твой проникнутъ гробъ, и мертвыхъ пребыванье,
Коль Божїя то власть, чтобъ съ прахомъ не потух
И нѣжный сердца жаръ, и твой геройскїй духъ,
И вѣрна мнѣ душа по смертную минуту;
Прости. что я могла склониться къ браку люту.
Должна была отцу себя я въ жертву дать,
Блаженству подданныхъ, которымъ здѣсь я мать,
Слезамъ поверженныхъ, стенящимъ въ бѣдной долѣ
Вселенной сей, увы! Тебя гдѣ нѣтъ уже болѣ.
Заморъ! растерзанной оставь душѣ покой
Хранить ужасный долгъ, врученный мнѣ судьбой:
Взложенно нуждою сноси ты бремя строго,
Позволь злымъ узамъ быть: они мнѣ стоятъ много

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Альзира, Емира.

Альзира.

Иль будутъ отъ моихъ всегда скрывать очей
Гражданъ, изъ дѣтства мнѣ страны любезной сей?
Узрюль нещастныхъ сихъ, носящихъ въ ней желѣзы?
Вкушуль ту сладость я, чтобъ лити съ ними слезы?

Емира.

Ахъ! паче бѣшенства Гусманова брегись.
Страшись за свой народъ, за плѣнныхъ сихъ страшись.
Грозятъ намъ, и гласятъ отечеству напасти,
Что день сей будетъ днемъ ему горчайшей части.
Воински знамена по вѣтру пущены,
Сокрыты подъ землей огни ужъ возжены,
Свирѣпые враги собрали сонмъ кровавой,
Монтезъ въ сей званъ совѣтъ, исполненный отравой.
Вотъ всïо, что знаю я.

Альзира.

Се, небо, твой обманъ!
Какимъ смущенïемъ мой духъ восколебанъ!
Теперь лишь мы клялись въ любви предъ олтарями,
И вдругъ Гусманъ вознесъ ужасный мечь надъ нами!
Какъ! клятва мнѣ моя лишь вѣчныхъ бѣдъ вина!
О клятва, коею навѣкъ покорена!

О бракЪ! жестокій бракЪ! подЪ коей злой звѣздою
Монтезъ тебя свершилЪ сЪ опаснѣйшей судьбою?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Альзира, Емира, Цефана.

Цефана.

ОдинЪ изЪ плѣнниковЪ, которыхЪ здѣсь отЪ узЪ
ОсвободилЪ вЪ сей день преславный твой союзЪ,
КЪ твоимЪ стопамЪ упасть желаетЪ сокровенно.

Альзира.

АхЪ! можетЪ онЪ ко мнѣ предстати несомнѣнно.
КЪ нему, кЪ его друзьямЪ я жалостью киплю,
Мнѣ зрѣть ихЪ мило, вЪ нихЪ отечество люблю.
Но что? за чемЪ одинЪ желаетЪ мнѣ явиться?

Цефана.

ОнЪ вЪ тайнѣ нѣкоей намѣренЪ изЪясниться.
Сей воинЪ самый тотЪ, о комЪ пронесся гласЪ,
Что дни Альваровы своей рукой онЪ спасЪ.

Емира.

ОнЪ зрѣть тебя желалЪ; МонтезЪ ему вЪ преграду
ОтЪ твоего скрывалЪ его здѣсь тайно взгляду.

Печалью мрачною весь духъ его стѣсненъ
Въ важнѣйшій замыселъ казался углубленъ.

Цефана.

Написаны на немъ смущенія жестоки,
Онъ называлъ тебя и лилъ изъ глазъ потоки,
Доказываетъ то его безмѣрный стонъ,
Которымъ внутренно въ тоскѣ снѣдался онъ,
Что онъ премѣны той совсемъ еще не знаетъ,
Какой тебя и блескъ и санъ днесь украшаетъ.

Альзира.

Какой, Цефана, блескъ и санъ сей гнусный мой!
Но можетъ мнѣ въ родствѣ нещастный сей герой,
Онъ видѣлъ можетъ быть сіянье нашей власти,
И былъ свидѣтелемъ Замора лютой части.
Какъ знать, что не при немъ Заморъ оставилъ свѣтъ?
Онъ хочетъ то сказать: о тщанье полно бѣдъ!
Мнѣ гласъ его еще терпимыхъ мукъ прибавитъ,
Онъ сердце мнѣ пронзитъ и рану вновь растравитъ.
Но пусть предстанетъ здѣсь. Движеньемъ смутныхъ думъ
Неволею объятъ разсыпанный мой умъ.
Въ чертогахъ, кои я слезами орошала,
Увы! минуты я спокойна небывала.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Альзира, ЗаморЪ, Емира.

ЗаморЪ.

Ужели то она? еяль зрю красоты?

Альзира.

О небо! поступь, гласЪ, и всѣ его черты....

Она падаетЪ вЪ руки своей наперстницы.

ЗаморЪ!... лишаюсь чувствЪ, померкли очи сиры.

ЗаморЪ.

Узнай любовника.

Альзира.

ЗаморЪ у ногЪ Альзиры!

Не привидѣньель?

ЗаморЪ.

НѣтЪ; я ожилЪ для тебя:
У ногЪ твоихЪ твои взываю клятвы я.
Душа души моей! ты, кою чту я богомЪ,
Ты кою нѣжность мнѣ дала любви залогомЪ!
Что сталЪ святый союзЪ, соединившій насЪ?

Альзира.

О день! со ужасомъ смѣшенный сладкїй часъ!
Драгой и горькїй видъ утѣхи и печали!
Увы! Заморъ! Когда судьбы тебя мнѣ дали?
Мнѣ кажда рѣчь твоя вонзаетъ въ грудь кинжалъ.

Заморъ.

Ты стонешь, зря меня.

Альзира.

Ты поздо мнѣ предсталъ.

Заморъ.

О смерти слухъ моей разнесся по вселенной.
Далеко отъ тебя влекъ путь я нерѣшенной
Съ тѣхъ поръ, когда тебя лишась отъ сихъ татей,
Лишился трона я, боговъ, красы твоей.
Не знаешь: сей Гусманъ, сей звѣрскїй разоритель
Былъ твердости моей нещадный искуситель?
Не знаешь: твой драгой, сужденный въ одръ тебѣ,
Альзира, казнь прималъ на торжищѣ себѣ?
Дрожишь. Приходишь въ гнѣвъ, которымъ пламенѣю,
Обиды ужасъ сей подвигъ душей твоею.
Конечно Богъ, въ любви присутствующїй Богъ,
Во нѣдрахъ смерти жизнь мнѣ сохранити могъ.
Предъ симъ ты божествоимъ не стала лицемѣрной,
Ты не содѣлалась Гишпанкой и не вѣрной.

Гусмана, говорятЪ, вмѣщаетЪ сей предѣлЪ:
ОтЪ изверга сего тебя отнять я шелЪ.
Ты мнѣ вѣрна; отмстимЪ, дай жертву вЪ наказанье.

Альзира.

ТакЪ; мсти ты за себя, казни ты злодѣянье,
Рази.

ЗаморЪ.

Что ты рекла? какЪ! вѣрность! твой обѣтЪ.

Альзира.

Рази: не стою зрѣть и на тебя и свѣтЪ.

ЗаморЪ.

Не вѣрилЪ я тебѣ, МонтезЪ, ахЪ ты мучитель!

Альзира.

Толь гнусно дѣло смѣлЪ открыть тебѣ родитель!
Ты знаешь ли, кто мной Замору предпочтенЪ?

ЗаморЪ.

НѣтЪ, кто? скажи; ничѣмЪ не буду удивленЪ.

Альзира.

ТакЪ зри, вЪ какихЪ судьбой мы пропастяхЪ глубокихЪ,
Зри беззаконья верьхЪ и верьхЪ обидЪ жестокихЪ.

Заморъ.

Альзира!

Альзира.

Сей Гусманъ....

Заморъ.

Дрожу.

Альзира.

Убїйца твой
Въ сей часъ, въ сей самый часъ приялъ вѣнецъ со мной.

Заморъ.

Онъ!

Альзира.

Мой отецъ, Алъваръ, они меня прельстили,
Они мой слабый духъ на бракъ сей преклонили.
Преступницей твоей во храмѣ Христїянъ
Почти въ очахъ твоихъ союзъ былъ оный данъ,
Ствергла всѣо; боговъ, отечество, драгова,
Для имени всѣхъ трехъ прерви дни вѣка злова.
Вотъ грудь моя! лечу твоихъ къ ударамъ рукъ.

Заморъ.

Альзира! правдаль то? Гусманъ тебѣ супругъ?

Альзира.

Чтобъ уменьшить порокъ, представилабъ виною
Родительскую власть законну надо мною,
Мое невѣденье, борьбу, тоску мою,
Трехлѣтній плачь, за смерть исторгнутый твою,
Въ побѣдахъ Христіянъ мою неволю строгу,
Что въ грусти о тебѣ я предалась ихъ богу,
Что ты всегда былъ милъ, что я покой губя,
Кляла твоихъ боговъ, оставившихъ тебя:
Но сердце правымъ быть не ищетъ, не желаетъ;
Нѣтъ оправданья мнѣ, любовь коль обвиняетъ.
Ты живъ; довольно мнѣ: тебѣ я не вѣрна,
Изторгни жизнь, когда не для тебя она.
И на меня еще не зришь безчеловѣчно?

Заморъ.

Нѣтъ, нѣтъ; коль я любимъ, невинна ты конечно.
Но льститься ли еще мнѣ въ сердцѣ жить твоемъ?

Альзира.

Альваромъ, слабостью, иль мстителемъ творцемъ,
Гишпанцами, отцемъ во храмъ бывъ провожденна,
Не чтя тебя въ живыхъ, ко браку принужденна,
Съ Гусманомъ связанна во вѣчныхъ я узлахъ,
Питала страсть къ тебѣ при самыхъ олтаряхъ.
Тираны, нашъ народъ то зрятъ, кѣмъ духъ мой таетъ,
Земля, и небеса, и самъ Гусманъ то знаетъ;

И зря тебя, ЗаморЪ, я вЪ сей ужасный часЪ,
Люблю тебя, скажу еще вЪ послѣднїй разЪ.

ЗаморЪ.

ВЪ послѣднїй разЪ ЗаморЪ увидѣлся сЪ тобою!
Едва тебя узрѣлЪ, разстанется сЪ тобою!
АхЪ, естьлибЪ гласЪ любви твоимЪ былЪ сердцемЪ чтимЪ!...

Альзира.

О небо! се ГусманЪ сЪ родителемЪ своимЪ.

ЯВЛЕНIЕ ПЯТОЕ.

АльварЪ, ГусманЪ, ЗаморЪ, Альзира.

АльварЪ *Гусману*.

Се благодѣтель мой, его ты видишь сЪ нею.

Замору.

О ты младый герой! ты, кѣмЪ я жизнь имѣю!
Умножь мнѣ радости сего священна дня;
СЪ любезнымЪ сыномЪ будь ты равенЪ для меня.

ЗаморЪ.

Что слышу? онЪ, ГусманЪ! твой сынЪ, сей варварЪ лютой!

Альзира.

О небо! не срази грозящей сей минутой!

АльварЪ.

ВЪ какомЪ смятенїи....

ЗаморЪ.

КакЪ терпитЪ то творецЪ,
ЧтобЪ сыну гнусному толь кроткїй былЪ отецЪ?

ГусманЪ.

НевольникЪ, отЪ чего вЪ тебѣ такая дерзость?
Ты знаешь ли, кто я?

ЗаморЪ.

Ты сихЪ предѣловЪ мерзость!
МежЪ утѣсняемыхЪ твоею властью злой
Познай Замора ты, и зри преступокЪ твой!

ГусманЪ.

Ты!

АльварЪ.

ОнЪ!

ЗаморЪ.

ТакЪ, я; я тотЪ, кто лютостью твоею,
Едва не потерялЪ честь сЪ жизнїю своею,

Я тотъ, кто несъ тобой безчестныхъ мукъ соборъ,
Я тотъ, чей видъ теперь твой потупляетъ взоръ,
Именій нашихъ тать, тиранъ надъ сей страною,
И то, чѣмъ я дышу, отъемлется тобою.
Свершай: желѣзомъ симъ, которо вашъ есть даръ,
Предупреждай ты месть, предупреждай ударъ.
Сіяжъ рука, что жизнь Альвару сохранила,
Во злой твоей крови за свѣтъ бы отомстила;
Я въ смертныхъ бы, въ богахъ любовь себѣ снискалъ,
Что я почтилъ отца, а сына наказалъ.

Альваръ.

Мятусь отъ словъ его, о обладатель свѣта!

Гусману.

Иль виненъ ты, и дать не можешь ты отвѣта?

Гусманъ.

Отвѣтъ мятежнику! быть низку до того,
Чтобъ пратись съ нимъ, когда мой долгъ казнитъ его?
Достойна казнь ему, самимъ имъ изреченна,
Когдабъ не ты; былабъ въ отвѣтъ ему вмѣненна.

къ Альзирѣ.

Тебя же сердце въ томъ удобно научить,
Сколь много въ тайнѣ ты могла мнѣ досадить;
Не для меня: но чтобъ себя не обезславить,
Должна о семъ рабѣ ты мысли не оставить,

Ты, коей плачемъ я супругъ твой оскорбленъ,
Ты, коей къ ревности довольно я плѣненъ,

Альзира.

Гусману.	*Альвару.*
Жестокій!	Ты покровъ въ бѣдахъ моихъ горчайшихъ!

Замору.

Ты, прежняя моя надежда дней сладчайшихъ!
Зря иго лютое Альзириной судьбы,
Отъ страха, жалости вострепещите вы.

показывая Замора.

Вотъ мой любовникъ, мужъ, отцемъ опредѣленной,
Какъ новой я еще не вѣдала вселенной,
Какъ изъ Европы узъ не приносили намъ,
О смерти слухъ его далъ гибель симъ брегамъ.
Паденье зрѣла странъ, гдѣ родъ мой на престолѣ:
Весь измѣнился свѣтъ, подверглась я неволѣ.
Въ бѣдахъ, при старости, нещастный мой отецъ,
Ко богу вашему прибѣгнулъ наконецъ:
Сего то Христіянъ при васъ взываю бога;
Свидѣтель храмъ его мнѣ брака столько строга;
Предъ симъ то богомъ, ахъ! обѣтъ ужасный мой
Меня убійцѣ далъ, кѣмъ отнятъ дарагой.
Я мало можетъ быть законъ толь новый знаю;
Но гласу честности не меньше я внимаю.

Заморъ, ты милъ, люблю тебя, должна тѣмъ я;
Но послѣ клятвъ моихъ быть не могу твоя.
А ты, Гусманъ, кому я жертвой и женою,
По злѣ своемъ, тиранъ! не мни владѣти мною.
Кто мстить дерзнетъ изъ двухъ, измѣнницу губя?
Кто сердце поразитъ, отъято у себя?
На вѣкъ нещастлива, на вѣкъ и беззаконна,
Гусману не вѣрна, Замору вѣроломна.
Кто можетъ, давъ мнѣ смерть, меня освободить
Отъ нужды, купно вамъ обѣимъ измѣнить!
Гусманъ! въ моихъ родныхъ твои багрившись руки,
Не такъ содрогнутся свершить мнѣ смерти муки.
За право и любви, и брака ты отмстивъ,
Карай преступницу, хоть разъ будь справедливъ.

Гусманъ.

Такъ презираешь ты послѣднія пощады
Щедроты, преданной противъ твоей досады?
Но требуешь того; такъ жди своихъ ты бѣдъ,
Тебѣ готова казнь, совмѣстникъ мой умретъ.
Вы стражи!

Альзира.

Ахъ, тиранъ!

Алваръ.

Что хочешь, сынъ любезный?
Щедроты чти его, чти рокъ его ты слезный.

Въ какую бездну золъ поверженъ я въ сей часъ!
Я одному далъ жизнь, другой ее мнѣ спасъ.
Сыны мои! сихъ словъ вы нѣжность ощутите,
И древность вы отца нещастнаго почтите.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Альваръ, Гусманъ, Альзира, Заморъ, Донъ Алонзъ, *Гишпанскій Офицеръ.*

Алонзъ.

Иди, о Государь! повелѣвай ты намъ,
Оружья, тьмы враговъ разлиты по полямъ.
Они къ стѣнамъ идутъ, и имя ихъ Замора
Есть грозный вопль еще къ ихъ умноженью сбора.
Священно имъ сіе на воздухъ имя мчась,
Воинска шума ихъ сугубитъ дикій гласъ:
Отъ ихъ златыхъ щитовъ земля пускаетъ стоны,
И эхо въ небеси твердитъ ихъ крика звоны.
Стѣснясь отрядами, хранятъ въ хожденьи строй,
И въ новомъ имъ идутъ распоряженьи въ бой.
Народъ сей прежде бывъ земли толь бремя гнусно,
Намъ тщится подражать вести войну искусно.

Гусманъ.

Пойдемъ, коль должно такъ, явимся въ ихъ очахъ,
Ты узришь скоро ихъ преобращенныхъ въ прахъ.

Кастильски воины! даны побѣдъ вамъ правы,
Сей созданъ свѣтъ для васъ, вы созданы для славы,
Онъ созданъ узы несть, робѣть и вамъ служить.

Заморъ.

Подобный смертный мнѣ, какъ! намъ рабами жить?

Гусманъ *воинамъ.*

Влеките.

Заморъ.

Смѣешь ли, творецъ невинныхъ стону,
Ты смѣешь ли казнить за праву оборону?

Гишпанцамъ его окружающимъ.

Иль боги вы, нельзя на коихъ воставать?
И пьющихъ нашу кровь васъ должноль призывать?

Гусманъ.

Покорствуй.

Альзира.

Государь.

Альваръ.

Въ свирѣпствѣ гнѣвна жара
Помысли хоть мой сынъ, что спасъ Заморъ Альвара.

Гусманъ.

Я мышлю побѣдить, сему училъ ты самъ.
Прости, о Государь.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Альваръ, Альзира.

Альзира *становясь на колѣни.*

Паду къ твоимъ ногамъ.
За благости тебя чту жертвою я сею,
Я первый разъ еще унизилась душею.
Свершай, о государь, надъ горькимъ сердцемъ месть,
За оскорбленную женой сыновню честь.
На первый узлъ была отъ сердца я согласна:
Увы! могу ли быть два раза въ жизни страстна?
Заморъ былъ мой, Заморъ былъ мною и любимъ,
Онъ добродѣтеленъ, твой вѣкъ спасенъ былъ имъ.
Прости.... смертельна грусть по всей разлилась крови.

Альваръ.

Храню къ тебѣ я долгъ отеческой любови:
Жалка съ Заморомъ ты: тебѣ подпора я;
Но чти священныя сего ты узы дня,
Не дай семейство зрѣть мое въ ужасной долѣ,
Будь кровь, будь дщерь моя; нѣтъ, не своя ты болѣ.

Такъ, былъ жестокъ Гусманъ, и мой трепещетъ духъ;
Но любитъ онъ тебя, онъ сынъ мой, твой супругъ,
И можетъ къ твоему явить онъ жалость взору.

Альзира.

Увы! по что, по что ты не отецъ Замору?

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альваръ, Гусманъ.

Альваръ.

Потщися выгодъ сихъ, мой сынъ достойнымъ быть.
Ты могъ толпу враговъ и храбрость побѣдить;
Изъ всѣхъ отмстителей печальной сей вселенны,
Одни въ твоихъ цѣпяхъ, другїе истребленны.
Ахъ! ты цѣны побѣдъ въ крови не обагряй,
Мой сынъ, ты благости ко славѣ приобщай.
А я хочу, подавъ симъ помощь побѣжденнымъ,
О ихъ рачиты дняхъ, отрадой быть симъ бѣднымъ.
Помысли, что отецъ шелъ прозьбу принести,
Будь Христїаниномъ, Замора ты прости.
Иль нравы не могу смягчить въ тебѣ суровы?
Иль не научишься сердецъ ты брать въ оковы?

Гусманъ.

Ахъ! ты мое пронзилъ. Потребуй жизнь мою;
Но ярость праведну дай мнѣ излить свою:
Щади во мнѣ ты гнѣвъ, которымъ духъ стѣсняемъ.
Какъ мнѣ его простить? сей варваръ обожаемъ.

Альварѣ.

Жалчае онѣ тебя.

Гусманѣ.

Онѣ жалокѣ! отче мой!
Пусть буду жалокѣ такѣ, я смерть почту драгой.

Альварѣ.

Какѣ! ты еще вмѣстилѣ во чувствїяхѣ гнѣвливыхѣ
Желчь подозрѣнїя, страданїе ревнивыхѣ?

Гусманѣ.

Уста твои меня и вѣ ревности винятѣ?
Какѣ! праведный тотѣ гнѣвѣ, которымѣ я обѣятѣ,
Ту горьку мысль, стыдомѣ и срамомѣ отягченну,
Законну столь во мнѣ, тобой зрю осужденну!
Неутолимый стонѣ не жалокѣ мой тебѣ?

Альварѣ.

Не столько горести вмѣщай вѣ твоей судьбѣ;
Альзира честь хранитѣ, суровство ей не нужно,
Твой долгѣ ее смягчать, лаская ей наружно,
Нравѣ грубый оныхѣ странѣ ей вѣ сердцѣ впечатлѣнѣ,
Упоренѣ силѣ онѣ; а ласкѣ покоренѣ,
И кротость можетѣ всїо надѣ нашими сердцами.

ГусманЪ.

Чтобъ я предъ гордыми ласкалъ ея красами?
Чтобъ оскорбленье скрывъ съ веселїемъ чело,
Ко новымъ мнѣ ее презрѣнїямъ вело?
Не долженъ ли бы ты, моей ревнуя чести,
Не порицать меня; участвовать мнѣ въ мести?
Я много ужъ стыжусь, взявъ узницу женой,
Свирѣпу, дерзкую и горду предо мной,
Которой сердце самъ подвластно зрю другому,
Котору я люблю къ нещастїю презлому.

АльварЪ.

Раскаянья въ любви законной не имѣй:
Старайся лишь о томъ, чтобъ управляти ей.
Всїо къ беззаконїю влечетъ, что есть безмѣрно;
Но обѣщай хоть то исполнити мнѣ вѣрно,
Что ни на чѣмъ по томъ ты не рѣшишся часъ,
Доколѣ словъ моихъ въ другой не примешь разъ.

ГусманЪ.

Въ чѣмъ предъ родителемъ сынъ можетъ отрекаться?
Хочу на время я отъ гнѣва воздержаться;
Но впредь мой горькїй духъ не тщись къ тому привесть.

АльварЪ.

Я время лишь прошу. *Уходитъ.*

Гусманъ *одинъ.*

Могулъ оставить месть?
Любить, раскаяться, быть приведеннымъ нынѣ
Во ужасъ, ревновать Заморовой судьбинѣ,
Кто въ подлыхъ смертныхъ сихъ безвѣстныхъ намъ рожденъ,
Едвабъ былъ именемъ людскимъ у насъ почтенъ!
Что зрю? о небеса!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Гусманъ, Альзира, Эмира.

Альзира.

Супругу пренещастну,
Жестокости твоей и ревности подвластну,
Котора не могла тебя любить тебя и чтить,
Жалѣя и гнѣвя пришла тебя просить.
То слабость или нѣтъ; я ничего не скрыла,
Рекла, что сердце я другому посвятила:
И искренность моя, сей пагубный мнѣ даръ,
Когда Заморъ умретъ, она свершитъ ударъ.
Дивись еще: жена имѣетъ дерзновенье
Просити у тебя любовнику прощенье.
Хоть гордъ Гусманъ, жестокъ, сколь въ гнѣвѣ онъ ни твердъ;
Но мнила я, что онъ быть долженъ милосердъ.

Я мнила, что герой, коль славѣ онъ ревнуетъ,
И тѣмъ ужъ гордъ, когда обидъ не наказуетъ:
Такою благостью удобнѣй насъ плѣнить,
Чѣмъ златомъ всѣмъ сихъ мѣстъ Гишпанцевъ ослѣпить.
Такой премѣною души твоей суровой,
Усильемъ толь благимъ во мнѣ найдешь духъ новой;
Почтенье возвратишь и нѣжность тѣмъ мою,
Усердїе, (коль симъ любовь я замѣню.)
Прости.... мятусь.... но я за твердость отвѣчаю,
Хотя и менѣе Гишпанокъ обѣщаю;
Моглибъ тѣ изтощить заразы слезъ своихъ;
Во мнѣ красотъ ихъ нѣтъ, во мнѣ нѣтъ свойства ихъ.
Творенье естества сей духъ коварствъ не знаетъ,
Онъ тщась тебя смягчить, тѣмъ болѣ раздражаетъ:
Но наконецъ тебѣ осталось испытать,
Льзяль сердце дикое щедротой обуздать.

Гусманъ.

Коль добродѣтели такъ чтишь душей своею,
Познай ихъ, чтобъ итти законовъ ихъ стезею.
Познай нашъ прежде нравъ, чемъ оный порицать.
Въ немъ долгъ твой; съ нимъ себя должна ты сображать.
Долгъ первый, что бы мысль была та погашенна,
Которою еще въ очахъ моихъ ты плѣнна;
Чтобъ больше чтить себя и въ вѣкъ назвать несмѣть
Совмѣстника, нѣтъ силъ котораго терпѣть,
Зри перьвая въ томъ стыдъ, и ожидай безсловна,
Что месть моя велитъ для варвара виновна.

Знай: мужъ твой, коего твой раздражаетъ стонъ,
Прощаетъ коль тебя, великодушенъ онъ.
Не столько я, какъ мнишь, рожденъ ожесточеннымъ,
И не тебѣ меня считать непреклоненнымъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Альзира, Эмира.

Эмира.

Твой нравъ онъ укротитъ, плѣненъ твоей красой,

Альзира.

Плѣненъ; *такъ онъ ревнивъ:* Заморъ погибнетъ мой.
Прося Замору жизнь, его я умертвила.
Увы! я знала то. Ты вѣрноль мнѣ служила?
Спасешь ли ты его? и удалитсяль онъ?
Ужели стражъ его тобою обольщонъ?

Эмира.

Имъ злато лестное его взоръ ослѣпило,
И вѣрность, мнѣ повѣрь, съ рукой его купило.

Альзира.

Проклятый сей металъ, благодаря судьбамъ,
Бываетъ не всегда погибелїю намъ.
Еще колеблешся! ахъ, не теряй минуты!

Эмира.

Но развѣ рѣшены Замору казни люты?
Или АльваровЪ гласЪ не значитЪ ничего?
И наконецЪ совѣтЪ....

Альзира.

Но я страшусь всего.
Ты зришь, сколь наглую имѣютЪ власть тираны,
ТакЪ мыслятЪ, что страны сїи для нихЪ созданны,
Что тронЪ ихЪ здѣсь; ЗаморЪ вЪ очахЪ у сихЪ владык
Сколь ни прямой былЪ царь, есть только бунтовщик
СовѣтЪ убїйцЪ! ГусманЪ! народЪ, народЪ суровый!
Предупрежду ударЪ отЪ вашихЪ рукЪ готовый.
Сей воинЪ кЪ *намЪ нейдетЪ*: сколь долго медлитЪ он

Эмира.

Не медлѣнно ЗаморЪ имЪ будетЪ приведїонЪ;
Сей стражЪ кЪ нему уже вЪ темницу поспѣшаетЪ,
Нощь мракомЪ умыслЪ сей великїй сокрываетЪ;
УбїйствомЪ утомясь, вЪ крови потоплены,
Мучители земли всѣ сномЪ отягчены.

Альзира.

ПойдемЪ, да воинЪ сей кЪ темницѣ насЪ проводитЪ,
ОтверзетЪ ей врата; невинность да исходитЪ.

Эмира.

Тебя онъ предварилъ; Цефана съ нимъ въ сей часъ:
Но естьли кто нибудь въ сей тьмѣ увидитъ васъ,
Изчезнетъ честь твоя, и стыдъ тебя погубитъ...

Альзира.

Мнѣ стыдъ, коль измѣню тому, что сердце любитъ.
Сія намъ чужда честь, невѣдома никакъ,
Есть добродѣтели единый лишь призракъ,
Ко славѣ лишь любовь, совсѣмъ несправедливость,
Не къ преступленіямъ, къ упрекамъ боязливость:
Я воспиталася во грубой сей странѣ,
Чтобъ безъ сіянія чтить добродѣтель мнѣ.
Честь въ сердцѣ у меня, она повелѣваетъ
Героя спасть, кого и небо оставляетъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Альзира, Заморъ, Эмира, Воинъ.

Альзира.

Тираны въ торжествѣ, спасенья не найдешь,
Тебѣ готова казнь; бѣги, или умрешь.
Поди съ симъ воиномъ, не трать часы удобны,
Обманемъ сихъ убійцъ мы упованья злобны.

Ты зришь отчаянье, ты зришь мою напасть.
ОтЪ смерти долженЪ ты любовника мнѣ спасть,
Супруга отЪ злодѣйствЪ, сей мірЪ отЪ тока слезна.
Америка тебя зоветЪ; нощь вЪ томЪ полезна;
Жалѣй себя; а мнѣ ничто моя судьба.

ЗаморЪ.

Жена невѣрнаго, тиранова раба,
Меня ты столь любя, мнѣ жить велишь остаться;
ПокоренЪ: но со мной осмѣлишсяль скитаться?
БезЪ трона, помощи, вЪ лютѣйшей долѣ сей
Не дамЪ тебѣ опричь я сердца и степей.
Я прежде повергалЪ кЪ ногамЪ твоимЪ порфиру.

Альзира.

Что вЪ ней мнѣ безЪ тебя? лишь ты прельщалЪ Альзиру.
И что вЪ сравненіи тебя сей подлый свѣтЪ?
Душа моя вЪ степяхЪ пойдетЪ тебѣ во слѣдЪ.
Одна хочу я здѣсь во ужасѣ, мученьи
И вЪ жалобахЪ стенать, и вянуть вЪ огорченьи,
Умреть вЪ раскаяньи, что клятву я гублю,
Что болѣ не твоя, что я тебя люблю,
Ступай, неси мой вѣкЪ и щастіе сЪ собою;
Оставь мнѣ ужасЪ несть вЪ приятомЪ долгѣ мною.
Любовника и честь должна я вдругЪ спасти,
Священны оба мнѣ, хочу ихЪ соблюсти.

Заморъ.

И честь! какаяжъ честь толико неизвѣстна?
Какая тмитъ твой взоръ мечта Европы лестна?
Какъ! клятва страшная, что днесь тебѣ дана,
И Христіанскій храмъ, кой ты презрѣть должна,
И Богъ, сей Богъ боговъ отеческихъ попратель,
Расторгли насъ съ тобой, тебѣ данъ обладатель?

Альзира.

Комубъ ни присягла, того не разбирай.

Заморъ.

Твоя присяга грѣхъ, погибель мнѣ, прощай;
Погибни твой обѣтъ, и сей мнѣ богъ несносный!

Альзира.

Постой, Заморъ, постой! о часъ разлуки злостный!

Заморъ.

Гусманъ твой мужъ.

Альзира.

Жалѣй, Альзирѣ не грубя.

Заморъ.

Воспомни первый узлъ.

Альзира.

Я помню лишь тебя.

Заморъ.

Нѣтъ, нѣтъ жестокая, ты рушишь данно слово.

Альзира.

Нѣтъ, ты мнѣ вѣчно милъ; и се злодѣйство ново.
Дай мнѣ умреть одной, не буди въ сихъ мѣстахъ.
Какой ужасный гнѣвъ горитъ въ твоихъ очахъ!
Заморъ....

Заморъ.

Свершилося.

Альзира.

Куда?

Заморъ.

Надѣюсь смѣло
Явить достойное изъ сей свободы дѣло.

Альзира.

Умру, коль ты умрешь; не сомнѣвайся въ томъ.

Заморъ.

Какъ можешь страсть мѣшать съ ужаснымъ симъ часомъ?
Оставь: насталъ ужъ день и время поспѣшаетъ:

къ Воину.

Пойдемъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Альзира, Эмира.

Альзира.

Лишаюсь силъ, меня онъ оставляетъ?
Бѣги за нимъ, лети, и возвратись съ отвѣтомъ,
Безъ опасеньяль онъ, иль мнѣ разстаться съ свѣтомъ.
Извѣдай, вѣренъ ли сей воинъ, или нѣтъ.

Емира уходитъ.

Предчувство мрачное мнѣ томно сердце рветъ;
Жестокій день, и день конечно мнѣ опасный!
О Боже Христіянъ всесильный и ужасный!
Слаба въ законѣ я. Отъ высоты небесъ
Едва рука твоя мракъ гонитъ отъ очесъ.
Когда я днесь твоя, и страстью преступила,
Да сердцу бѣдну мститъ твоя нещадно сила.
О Боже! средь степей Замора ты сокрой;
Ужель ты токмо Богъ вселенныя другой?
Европы ли одной тебѣ пріятенъ житель?
Иль міра ты отецъ, другова ты мучитель?

И плѣнникъ, и герой, изъ слабыхъ смертныхъ сихъ
Безъ исключенья всѣ творенье рукъ твоихъ.....
Какая слухъ разитъ тревога преужасна!
Заморъ, кричатъ: о рокъ! обманута нещастна!
Сугубятъ крикъ, идутъ: увы! погибъ Заморъ.

ЯВЛЕНIЕ ШЕСТОЕ.

Альзира, Емира.

Альзира.

Эмира! ты ли здѣсь? что видѣлъ тамъ твой взоръ?
Рѣши изъ жалости сомнѣнiе мятежно.

Эмира.

Ужъ нѣтъ надежды намъ: погибъ онъ неизбѣжно.
Доспѣхомъ воина чело свое покрылъ,
Который велъ его; онъ руку воружилъ,
Онъ удаляется; а воинъ вмигъ сокрылся;
Любовникъ твой въ чертогъ, бѣжалъ, летѣлъ стремился
Иду съ нимъ межъ враговъ, во трепетѣ моемъ,
Между убiйцевъ сихъ, въ крови покрытыхъ сномъ,
Межъ тѣлъ, средь ужаса молчанiя нощнова.
Въ чертогъ Гусмановъ зрю его войти готова:
Вотще звала его чрезъ рѣчь и знаки глазъ:
Сокрылся онъ, и вдругъ восталъ сей страшный гласъ;

Кричатъ: рази; спѣшатъ, летятъ вооружиться,
Бѣги волненїй сихъ, старайся удалиться,
Бѣги отсель.

Альзира.

Къ нему на помощь я бѣгу.

Эмира.

Что можешь ты? увы!

Альзира.

Я умереть могу.

ЯВЛЕНIЕ СЕДЬМОЕ.

Альзира, Эмира, Донъ Алонзъ, Воины.

Алонзъ.

Мнѣ тайный данъ приказъ, чтобы ты шла со мною.

Альзира.

Что, варваръ, ты сказалъ? какой грозишь судьбою?
Вѣщай, что сталъ Заморъ?

Алонзъ.

Въ ужасный оный часъ
Могу лишь возвѣстить строжайшїй сей приказъ,
Чтобы ты шла.

Альзира.

О рокъ! о месть неизреченна!
Жестокїй! я еще на смерть не осужденна?
Замора нѣтъ уже! подъ игомъ я желѣзъ!
Ты стонешь, и твои глаза льютъ токи слезъ!
Ужель ихъ варварство мягчатъ мои напасти?
Пойдемъ, коль мнѣ умреть; легко послушна власти.

Конецъ четвертаго дѣйствїя.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Альзира, Воины.

Альзира.

Готовыль вы скончать мой въ лютыхъ казняхъ вѣкъ.
Тираны мнящи быть судьями человѣкъ?
Иль мучите меня ужасной сей борьбою,
Чтобъ я рвалась моей невѣдомой судьбою?
Я въ заключеніи, подъ стражу отдана,
Не знаютъ, жить ли я, иль умереть должна.
Замора нареку, и стражи поблѣднѣютъ,
То имя всїо мятетъ, чудовищи хладѣютъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Монтезъ, Альзира.

Альзира.

Увы!

Монтезъ.

Въ какїя насъ повергла ты бѣды?
Вотъ страсти твоя проклятые плоды.
Увы! когда Заморъ былъ нашихъ прозьбъ виною;
Альваръ блоговолилъ еще вѣщать со мною:

Внезапно предстаетъ предъ нашъ тамъ воинъ взоръ,
Неистовъ, изступленъ, то самъ предсталъ Заморъ.
Притворствомъ симъ обманъ воздѣйствовалъ надъ нами
Лишь мечь въ его рукѣ блеснулъ мнѣ предъ очами.
Вступилъ онъ, къ намъ летѣлъ, Гусмана онъ достигъ,
Напалъ и поразилъ, то былъ единый мигъ.
Кровь мужа твоего Альвара окропила,
Заморова тотчасъ тутъ ярость отступила,
Онъ предъ Альваромъ палъ спокоенъ и смиренъ,
Мечь далъ отцу въ крови сыновней обагренъ,
Что должно, сдѣлалъ я, онъ рекъ, отмстилъ досаду,
Твой дѣлай долгъ, отмщай, дай крови тѣмъ награду.
Тогда простерся онъ, ждя казнь въ своей винѣ.
Отецъ окровавленъ повергся въ руки мнѣ;
Востало всïо, бѣгутъ, подходятъ, восклицаютъ,
Летятъ къ Гусману всѣ, и жизнь ему спасаютъ,
Остановляютъ кровь, употребляютъ къ ней
Искуство, найденно для сохраненья дней.
На жизнь твою восталъ всѣхъ вопль единогласной.
Убïйства онаго тебя мнятъ быть причастной....

Альзира.

Ты могъ!....

Монтезъ.

Нѣтъ, нѣтъ, сему не можешь быть вина.
Къ такимъ грѣхамъ твоя душа не создана;
Способна къ слабости, къ злодѣйству не рожденна;
При краѣ бездны ты стояла ослѣпленна.

Желаю вѣрить такъ, и вѣрю я сему;
Но твой любовникъ смерть далъ мужу твоему!
А ты чрезъ то себя суду ихъ подвергаешь,
Среди ужасныхъ мукъ и срама вѣкъ скончаешь;
Съ послѣднимъ щщанїемъ идетъ твой въ судъ отецъ,
Жизнь испросить тебѣ, и дней моихъ конецъ.

Альзира.

Мнѣ жизнь! отъ варваровъ! просить ихъ! мой родитель!
Живи, люби меня, сей прозьбы будь хранитель.
Мнѣ жалостенъ Гусманъ, сурова часть его;
Но жалостнѣе тѣмъ, что стоилъ онъ того.
Лишь оскорбленїе Заморъ отмстилъ несносно;
Мнѣ мужество его ни хвально, ни поносно.
Спасала я его, того я не таю.
Заморъ умретъ; брегись ты жизнь спасти мою.

Монтезъ.

О небо! облегчи мою ты участь бѣдну. *Уходитъ.*

ЯВЛЕНIЕ ТРЕТIЕ.

Альзира *одна.*

О небо! уничтожь Альзиры жизнь зловредну.
Какъ! Богъ мой помощи не шлетъ мнѣ ни какой!
Онъ мнѣ претитъ, мой вѣкъ пресѣчь моей рукой.

Ахъ! отреклась боговъ, которыхъ щедро свойство
Мнѣ позволяло смерть, смерть, мнѣ одно спокойство.
Увы! какой предъ симъ ревнивымъ богомъ грѣхъ,
Чтобъ ускорить часомъ, назначеннымъ для всѣхъ?
Изъ чаши горести въ напасть неутолиму
Должналь я медля пить отраву нестерпиму?
Сей гнусный, смертный прахъ ужели такъ священъ,
Что духъ, живящь его, оставить воспященъ?
Иль тѣмъ, которые громами воруженны,
Ужасны правы свѣтъ опустошать врученны,
Рвать сердце у меня? искоренять мой родъ?
А я бы не могла и свой пресѣчь животъ?
И надъ собой дать власть душѣ неустрашенной,
Какую тѣ даютъ свирѣпству надъ вселенной?
Заморъ скончаетъ вѣкъ во ужасныхъ мукахъ днесь.
О варвары!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Заморъ *въ цѣпяхъ*, Альзира, Воины.

Заморъ.

Умреть обѣимъ должно здѣсь.
Подъ страшнымъ образомъ ихъ истины неправой
На казни осудилъ тебя совѣтъ кровавой.
Гусманъ еще живетъ; въ отчаяньи моемъ
Не твердый далъ ударъ я въ грудь его мечемъ.
Живетъ онъ, чтобъ свершить всѣ бѣдства надо мною;
Умретъ онъ, весь покрытъ мнѣ кровію драгою;

Погибнемъ вмѣстѣ мы, какъ будетъ издыхать;
Онъ будетъ радости еще злыхъ душъ вкушать.
Мы отъ Альварова услышимъ здѣсь отвѣта
Гнуснѣйшій приговоръ свирѣпаго совѣта:
Ты гибнешь за меня, и умираешь мной.

Альзира.

Престань, я не ропщу; сама умру съ тобой.
Довольно, любишь ты; хвали мою судьбину,
Хвали ударъ презлой, чѣмъ узы брачны скину;
Сей часъ есть часъ единъ, когда мнѣ смерть вкусить,
Чтобъ безъ раскаянья еще тебя любить.
Свободна казнїю, себѣ опять врученна,
Я всїо тебѣ вѣрна, тобой до гроба плѣнна.
То мѣсто, кое въ казнь уготовляютъ намъ,
Есть храмъ, гдѣ я тебѣ мой первый жаръ отдамъ.
Я тамъ то мой порокъ очищу, принужденной
Невѣрности, тебѣ Альзирою явленной.
Всего мучительнѣй въ сей бѣдственной судьбѣ
Изъ устъ Альваровыхъ намъ слышать смерть себѣ.

Заморъ.

Увы! се онъ, и зракъ его покрытъ слезами?

Альзира.

О небо! кто изъ трехъ насъ превозшелъ бѣдами?
И сколько собрала судьба нещастныхъ здѣсь!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Альзира, Заморъ, Альваръ, Воины.

Заморъ.

Жду смерти отъ тебя, такъ хочетъ небо днесь.
Ты долженъ мнѣ изречь рѣшенье положенно:
Вѣщай мнѣ такъ, какъ я внимаю, несмущенно.
Предай безъ трепета готовыхъ въ жертву мукъ,
Кѣмъ сынъ твой умерщвленъ, и кто Альвару другъ.
Но въ чемъ ея вина? чрезъ кою злость безчинну
Влечешся ты у ней похитить жизнь невинну?
Гишпанцы наконецъ въ тебя свой влили ядъ.
Ужель неправеднымъ твой мщеньемъ духъ объятъ?
Священной кротостью въ насъ бывъ одинъ извѣстенъ,
Ты славно имя мнишь отвергнуть быти честнымъ?
Невинну кровь прольешь рукою ты своей.

Альзира.

Отмщай за сына, лишь сомнѣнья не имѣй.
Гусману я жена, довольно къ увѣренью,
Что не къ измѣнѣ я, къ егобъ шла защищенью.
Твой сынъ былъ мною чтимъ, страдающїй духъ мой,
И не терпя его, хранилъ къ нему долгъ свой.
Меня твой хвалитъ ли народъ иль осуждаетъ,
Мнѣ славу мысль твоя едмна утверждаетъ.
Отъ сердца твоего почтенна предъ концемъ,
Я презираю всїо, не мышлю ни о чемъ.

Заморъ умретъ, и мнѣ назначенна кончина;
Вотъ всїо, чего я жду, ты слезъ моихъ причина.

Альваръ.

Колико ужаса и жалости въ сей день!
Убїйца сына тотъ, родитель кѣмъ спасенъ.
Заморъ!... ты спасъ мой вѣкъ толь нынѣ мнѣ несносный;
Я дорого тебѣ плачу за даръ сей злостный....
Такъ, я отецъ; но я и человѣкъ: твой гнѣвъ
И крови гласъ, ко мнѣ взывающїй, презрѣвъ,
Который мстить велитъ тогда, какъ чувства стонутъ,
Щедроты твоея еще я гласомъ тронутъ.
А ты мнѣ бывша дщерь, котору въ сихъ бѣдахъ
Зову я именемъ насъ мучащимъ въ слезахъ!
Нѣтъ, твой отецъ не столь свирѣпымъ въ свѣтъ ро-
дился,
Чтобъ въ горести своей отмщеньемъ веселился.
Лишатся живота всѣ чрезъ ударъ единъ,
И мой избавитель, и дщерь моя, и сынъ.
Совѣтъ васъ осудилъ; онъ гнѣвомъ къ вамъ пылаетъ,
И мщенїя мечемъ Альвара вооружаетъ.
Исполнить то рука моя не отреклась....
Исполню то, чтобъ тѣмъ спасти обѣихъ васъ.
Заморъ, ты можешь всїо.

Заморъ.

Вѣщай, яви дорогу,
Какъ спасть ее.

АльварЪ.

ВЪ меня вдыхающу вѣрь Богу.
ЕдинымЪ словомЪ свой, ея премѣнишь стонЪ;
Кто ХристїянинЪ сталЪ, прощаетЪ тѣхЪ законЪ.
Сей ревностью законЪ предписанный святою
Мнѣ мнится, для твоей днесь пользы данЪ судьбою.
ТворецЪ, который намЪ прощати самЪ велитЪ,
При насЪ тебя своимЪ покровомЪ осѣнитЪ.
ГишпанцовЪ лютость симЪ пребудетЪ укрощенна;
Твоя есть кровь для нихЪ кровь братня и священна;
И стрѣлы мести вЪ ихЪ рукахЪ остановясь,
Не обратятся ужЪ сЪ Альзирою на васЪ.
За жизнь твою, ея отвѣтствую не ложно;
ЗаморЪ, лишь отЪ тебя сїе принять мнѣ должно.
Не будь не умолимЪ на мой ты слабый гласЪ;
Я буду жизнь имѣть вЪ другой тобою разЪ.
Жестокїй, у меня за кровь тобой отЪяту,
Живи, сего отецЪ нещастный ждетЪ вЪ отплату.
Будь ХристїяниномЪ, цѣной сей замѣни
Кровь сына моего, твои, Альзиры дни.

ЗаморЪ.

Альзира! до товоль сЪ тобой намЪ жизнь безцѣнна?
Иль будетЪ оная безчестьемЪ обрѣшенна?
Иль я могу богамЪ ихЪ бога предпочтить?

Альвару.

А ты ужели мнишь жесточе сына быть?
Ты хочешь смерти ей, иль чтобЪ былЪ я предатель?
Увы! какЪ я твоей былЪ жизни обладатель,

Когда бы мнилЪ твой вѣкЪ толь низкой я цѣны,
Скажи, отвергЪлибЪ ты боговЪ своей страны?

АльварЪ.

Я то же дѣлалЪ бы, вЪ чѣмЪ нынѣ упражняюсь.
Творца бы умолялЪ, кому я покланяюсь,
Такое, какЪ твое, чтобЪ сердце призрилЪ онЪ,
Достойно ХристіянЪ, сколь ты ни ослѣплїонЪ.

ЗаморЪ.

О коль неслыханны и казнь и муки строги!
Какое зло избрать я долженЪ нынѣ, боги!

кЪ Альзирѣ.

Тебяль спасу, или боговЪ отвергну я?
ДерзнувЪ меня любить, будь вЪ томЪ и судїя.
Вручаюся тебѣ, надежда льститЪ Замору,
Что не захочешь ты привесть его кЪ позору.

Альзира.

Внемли: ты знаешь, какЪ отецЪ мой вЪ злой судьбѣ
РасполагалЪ душей врученной мной тебѣ;
ИмЪ воспріятый БогЪ сталЪ воспріятЪ и мною;
Чти заблужденья то иль младости виною:
Но вѣрой ХристіянЪ плѣненный разумЪ мой
ВЪ ней зрѣлЪ, иль чаялЪ онЪ вЪ ней зрѣть законЪ святой.
Уста мои боговЪ сего отвергли міра;
ВЪ душѣ своей себя вЪ томЪ не винитЪ Альзира:

Но отрекись боговЪ, которыхЪ сердцемЪ чтятЪ,
Не заблужденїе, но подла сердца ядЪ,
ПодЪ лицемѣрїемЪ измѣна сокровенна
Для бога избранна, и бога отрѣшенна,
Ложь предЪ вселенною, предЪ небомЪ и собой;
УмремЪ; но при концѣ почтенЪ ты буди мной:
И естьли новый лучь тебя не озаряетЪ;
ГласЪ совѣсти внемли, она тебѣ вѣщаетЪ.

ЗаморЪ.

ПредвидѣлЪ твой отвѣтЪ: такЪ лутче мнѣ не жить
И умереть сЪ тобой, чемЪ вѣкЪ безчестнымЪ быть.

АльварЪ.

Жестокїе! такЪ вы кЪ погибели бѣжите!
Щедроты моея принять вы не хотите.
Внемлите жалкїй вопль, остался мнѣ единЪ....

ЯВЛЕНIЕ ШЕСТОЕ.

АльварЪ, ЗаморЪ, Альзира, АлонзЪ, Американцы, Гишпанцы.

АлонзЪ.

Ведется предЪ тебя нещастливый твой сынЪ.
ОнЪ, государь, вЪ твоихЪ рукахЪ умреть желаетЪ.
НародЪ вокругЪ его толпясь себя стѣсняетЪ,

И изЪ любви кЪ нему узрѣти онЪ готовЪ
Жены Гусмановой и сЪ ней убійцы и кровь.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АльварЪ, ГусманЪ, ЗаморЪ, Альзира,
Американцы, Воины.

ЗаморЪ.

Тираны! дайте смерть, Альзиру лишь спасите,

Альзира.

НѣтЪ; лютой смертью насЪ всѣхЪ трехЪ соедините.

АльварЪ.

Мой сынЪ кончается! несносная напасть!

ЗаморЪ *Гусману.*

Ты хочешь до конца простерть жестоку власть?
Пока ты живЪ, лей кровь, насыть ей жадность взора.
Учися умирать, взирая на Замора.

ГусманЪ *Замору.*

ИнымЪ достоинствамЪ хочу тебя учить,
Иной примѣрЪ тебѣ я долженЪ здѣсь явить.

Альвару.

Отсрочена мнѣ смерть, посланна небесами,
Да предъ твоими днесь предстану я очами.
Летяща вонъ душа во смертной мнѣ судьбѣ
Сдержалася; но стѣмъ, чтобъ подражать тебѣ.
Умру, ниспалъ покровъ, мнѣ новый лучь блистаетъ.
При краѣ дней себя Гусманъ лишь познаваетъ.
По самый оный часъ, когда иду во гробъ,
Томились смертные моихъ подъ игомъ злобъ;
Отмстилъ за землю Богъ; онъ святъ, и я собою
Не заплачу за кровь пролиту сей рукою.
Я щастьемъ былъ мраченъ, гробъ свѣтъ открылъ уму;
Кѣмъ Богъ меня сразилъ, прощаю я тому.
Одинъ владѣю я, какъ сей владѣлъ страною,
Одинъ могу прощать; Заморъ, прощенъ ты мною.
Живи, надмѣнный врагъ, будь воленъ, знай, какой
Конецъ для Христїянъ, и оныхъ долгъ прямой.

Монтезу, бросающемуся къ его ногамъ и Американцамъ.

Внемли, Монтезъ, и вы, бывъ жертвою моею:
Жестокость я покрылъ щедротою своею.
Внушите здѣсь царямъ, странамъ внушите симъ,
Что право Христїянъ давать законы имъ.

Замору.

Зри разность ты въ богахъ, предъ кѣмъ творимъ служенье.
Твои велятъ тебѣ убїйство и отмщенье;
Мой богъ въ тотъ часъ, когда Заморъ меня разитъ,
Прощати и жалѣть Замора мнѣ велитъ,

Альваръ.

Мой сынъ! сколь ты герой, столь кротость зрю велику.

Альзира.

Какая чудна рѣчь! премѣну зрю толику!

Заморъ.

Такъ хочешь и меня къ раскаянью привлечь?

Гусманъ.

Еще хочу къ себѣ твою любовь возжечь.
Альзира бѣдная вела дни въ жизни мрачны,
Тому виной моя свирѣпость, узы брачны.
Вручаю хладною тебѣ ее рукой.
Живи не *злобствуя*, своею правь *страной*,
Отдай стѣнамъ своимъ ты славу разореннымъ,
Коль можешь, имя чти мое благословеннымъ.

Альвару.

Пребуди ты отцемъ сей щастливой четы:
Да правый лучь съ небесъ на нихъ ниспослешь ты.
Коль свѣтомъ Христїянъ душа его объята,
Заморъ твой сынъ; моя награждена въ немъ трата.

Заморъ.

Мятуся, недвижимъ, окамененъ, смущонъ:
Столь Христїянинъ благъ храня прямый законъ?
Законъ, кой требуетъ усилїя толь многа,
Я вѣрю, сей законъ отъ самаго данъ Бога.

Хоть вѣрнѣсть, дружество и твердость я хранилъ;
Но такъ великій духъ моихъ превыше силъ.
Обремененъ я имъ, и имъ я восхищаюсь,
Люблю, и чту тебя, и местію гнушаюсь.

бросается къ его ногамъ.

Альзира.

Паду къ твоимъ ногамъ стыдящаясь себя.
Я въ сей бы часъ умреть желала за тебя,
Между тобой и имъ душа моя дѣлима,
Раскаяньемъ, тоской терзаема, томима,
Злодѣйкой чту себя, и думъ печальныхъ мракъ.....

Гусманъ.

Я всіо прощаю вамъ; коль зрю въ слезахъ вашъ зракъ.
Въ послѣдній разъ ко мнѣ *приближся, мой родитель:*
Веди щастливы дни, ей буди покровитель.

Замору.

Будь Христіяниномъ; доволенъ, кончу вѣкъ.

Альваръ *Монтезу.*

Зрю Божій перстъ въ бѣдахъ, что рокъ на насъ навлекъ.
Отчаянный мой духъ ко Богу прибѣгаетъ,
Который насъ казнитъ, и купно насъ прощаетъ.

КОНЕЦЪ.

